

АННА ЛЕРОЙ
ДАНИЭЛЬ БРЭЙН

ТРЯХНЕМ СТАРИНОЙ!

Даниэль Брэйн

Тряхнем стариной!

<https://litres.ru/74204002>

Аннотация

Открыла я как-то глаза, осмотрелась — тут чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях болтается... Избушка на курьих ножках, кот доставучий тыгыдымчатый, обед почти готовый — Ивашка-дурачок, зеркало говорящее. И я в нем отражаюсь, красота неземная, а проще — натуральная Баба Яга. А вот и проблемы нарисовались: то селяне недовольны, то поп ворчит, то местный царь с претензиями, то вороги чудят. А мне, значит, со всем разбираться!

Обложка Ханны Хаимович.

Нравится история? Нажмите лайк, подпишитесь на авторов! Дальше еще смешнее и интереснее!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Глава пятая	37
Глава шестая	46
Глава седьмая	57
Глава восьмая	67
Глава девятая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава первая

Нормально так мне вырезали аппендицит. Ну да, сама виновата, дотерпелась до вызова скорой прямо на автобусной остановке. Зато теперь как хорошо!

Я и не знала, что от наркоза можно таких клевых глюков наловить. Слышала, что приход у всех разный, но о подобном и мечтать не приходилось. Круто, совсем как в трехмерной игрушке, слышу, вижу, даже запахи чувствую, но и страшно до икоты.

Сначала перед глазами деревянный потолок был и куча трав подвешенных, все закопченное, но в целом ничего ужасного. Потом я повернула голову и обнаружила добротные полы из плотно подогнанных досок, ножки стола и лавки, что-то серо-закопченное... огромное... печь? Ковер на стене, классический, красный, с узорчиками под стать глюканам, грибы на окне, мухоморчики и совсем какие-то синие, их есть, наверное, вообще нельзя, иначе приход будет вечным, над притолокой две костлявые руки и чучело ворона. И запах антисептика.

Или все-таки спирта... Это как раз нормально. Чем там еще в больницах пахнуть может?

Слуховые галлюцинации тоже присутствовали. Треск дровишек, какие-то топотки, шелест и низкое басовитое мугуканье.

Я несколько раз хлопнула глазами и растеклась по полу. Давай-давай, выходи из наркоза. Там небось народ волнуется, операция все же, серьезная вещь.

Чучело угрожающе нависало надо мной. Того и гляди, рухнет прямиком мне на голову.

Мама дорогая, а ведь это сказочная избушка! Ну прямо как в сказках! И с чего вдруг такое привиделось?

Я зевнула и повернулась набок. Сейчас глюки меня отпустят и, если мне повезет, вместо странной избушки увижу симпатичного врача. А что, мама дорогая уже который год намекает, что пора знакомиться не только на работе, а и в метро, на остановках и в очередях в магазине. В общем, даже к мусорке пора начинать выходить при параде, потому что там одинокие мужики останавливаются со своими мешками прямо на крутых новеньких тачках. А тут такой шанс — целая больница, выбирай не хочу!

Басовитое мугуканье внезапно оборвалось жутким нечеловеческим ревом.

Я подпрыгнула. Невысоко. Неожиданный прострел в пояснице — жуткий укол боли — я брякнулась обратно на пол и завывала, вторя реву. Какого?! Мне же аппендицит вырезали, болеть не там должно было! Не почки же меня заодно лишили, это уже как-то совсем будет не по-людски. Но поясница будто отваливалась, разогнуться не получалось, только скукожиться в позе кошечки... Чтобы обнаружить нечто странное, болтающееся перед носом.

Грудь! Большая грудь! Огромная пожилая грудь! Очень-очень пожилая!

От неожиданности я забыла о боли в пояснице, завалилась набок, прижала руки к этой самой неправильной стремной груди и заорала пуще прежнего. Грудь была настоящей, как и складки живота под ней. От этого ужаса у меня сердце забилось где-то в горле. В моем морщинистом горле!

И руки! Почему у меня такие страшные руки в пигментных старческих пятнах?

Кроме рук, не в порядке было и лицо. Вот сто процентов! Трогать я его боялась. Вдруг там что похуже морщин и большого носа? Хуже груди, конечно, уже вряд ли, но все равно не утешало.

А одежда? Я провела руками по шершавой ткани плотной рубахи, потом уставилась на юбку... Откуда вообще все мне видится? Ладно, образ старухи, это как раз понятно. Консьержка у меня в подъезде колоритная сидит, прямо Баба Яга.

Но у меня явно нет столько воображения, чтобы представить на себе такую одежду до последнего рубчика и узорчика! Это ж сколько на меня препарата потратили?! Нет, серьезно, вырезали аппендицит, почку и грудь заменили. Коновалы, изуверы, до Гаагского суда дойду, когда выпишусь! С такой грудью, увы, эффектно выступить не получится.

Шмотки зато были шикарными. Длинная юбка словно из грубой холстины, как раньше были мешки, но приятная на

ощупь, еще и расшитая кое-где крупной вышивкой. Широкая рубаша, плотная безрукавка — все из натуральных тканей. По крайней мере, мне так показалось.

Мама моя дорогая, приду в себя, я такую точно себе где-нибудь, но найду! Сшить вряд ли выйдет, я за машинкой в последний раз сидела в школе и совсем немного, все-таки на весь класс у нас была всего лишь одна швейная машинка. Была, до того момента, как я за нее села. И надо же так, сломалась какая-то супер-нужная шпунька... А, ладно!

В общем, шмотки были единственным пока положительным моментом. Остальные глюки мне сильно не нравились. И то, что во рту у меня меньше зубов, чем нужно, тоже мне не нравилось. И на полу лежать...

Пока разглядывала цветы на этом чуде ручной работы, смахнула какую-то таракашку с ноги. Наглый жук перевернулся на лапки и побежал дальше. Недалеко.

В жука вцепились когтистые лапы.

Я взвизгнула, от испуга разогнулась и быстро-быстро, как тот самый таракашка, проползла к стене домика. Было от чего. Как-то котик размерами с крупного спаниеля доверия мне не внушал. Мощная длинная черная зверюга клацнула когтями, шевельнула огромными усами и закинула таракана в пасть, жмуря зеленые глазищи.

Я ущипнула себя, чтобы проснуться. Глупо. Но этот искусственный сон стал меня откровенно пугать. Можно мне уже обратно в больничку? Я готова к отходняку и болям!

Ладно, я даже про почку ничего не скажу, только грудь обратно пришейте!

— Ты чего это, бабка, на полу сидишь? Чей-то зад себе морозишь? Аль прострел тебя не мучит? — заворчал кот, открывая пасть, будто и правда говорил.

Это было настолько реально, что не могло быть! Значит, все-таки это глюк и можно пока что расслабиться. Попустит же в конце-то концов. Я от облегчения даже села, потянулась вперед и дернула кота за хвост.

— Ты что, старая, совсем из ума выжила?! — взвился котятра, цапнул меня когтями и зашипел. — Аль настройку мухоморную откушала, не закусив, не занюхав?

Хвост в руке был как настоящий. Царапины болели, и на старческой руке наливались кровью три неглубоких пореза. Больно!

Это что за фигня? Если я сплю, то почему больно? И место, куда я себя ущипнула, болело, и царапины тоже! А еще этот рев... Да кто это кричит так? Его что, режут, что ли?

Охая и хватаясь за спину, я поднялась на ноги. От пола невысоко, но все потому, что разогнуться так и не вышло полностью. В глаза сразу кинулись бесконечные черные полки со всякой требухой и огромный котел в углу. А потом я повернулась к столу и завизжала.

А связанный мужик выплюнул изо рта пожеванное яблоко и заорал уже словами:

— Изыди, ведьма! Нечистая! Головы тебе не сносить! Как

шагнет дружина! Как запоют рожки! Вжикнут мечи-молодцы! Разрубят ведьму на куски и закопают на четырех перекрестках!...

— Тьфу, нынче цесаревичи буйные пошли, — ощерился кот. — Бабка, суй его в печь скорее, а то вечерять сызнава по полуночи будем...

— Бабка?.. Бабка? — я схватилась за волосы, редкие и сухие. Не мои.

Мамочка моя родная, верните меня из этого кошмара в обычный мир!

Мужик на столе, перевязанный веревками как колбаса, пытался дрыгать ногами и продолжал извергать из себя выкрики про ведьм и голову с плеч. Вокруг меня сужались стенки деревянной избы, на меня напоззали веники из трав и летучих мышей, сверкал глазами огромный кот и пыхала жаром печь — как раз проем был настолько широк, что мужика внутрь запихнуть было возможно... Очень возможно... Прямо как кот и говорил.

Мамочка!

Я бросилась, точнее, проковыляла, подпрыгивая, к двери, не обратив внимания на мявки кота. Замка не было, снаружи я оказалась в считанные мгновения. Пробежала пару десятков метров — неуклюже, переминаясь с ноги на ногу — и остановилась, задыхаясь. Огромная грудь ходила ходуном, язык неприятно шевелился в пересохшем рту, сердце билось где-то в горле, а на глазах скапливались слезы. Что происхо-

дит-то? Мне же просто аппендицит вырезали, когда уже этот наркоманский трип закончится?

Я оглянулась: лес кругом, зелень, солнышко светит и мерзость какая-то опять по мне ползает. Тепло так, дышится полной грудью. Доктор, а можно мне другой дури, более качественной, пожалуйста? Вот чтобы без бабок и котов!

И чтобы за грудь не хвататься.

Пенек обнаружила почти сразу, там я и села. Тело ощущалось неповоротливым, болезненным и слабым — старым, одним словом. Почему я не чувствую, что лежу на больничной кровати? Почему лес настолько реальный? На нос, кстати, приземлился большой комар. Щекотно. И странно. Вообще я заорать бы должна, не люблю этих насекомых.

Я почесала нос и смахнула комара. Нос как будто не мой, загнут чуть в сторону, потом я дрожащими пальцами нащупала морщины. И волосы длинные, сзади в растрепанном пучке. В зеркало на себя смотреть даже страшно, а вот обшупать — это можно было. Картина складывалась не особо радужная. Почему-то я была... бабкой? Самое время было впасть в истерику. Я и впала, вот только любимая поза у меня для рыданий — это голову между коленями сунуть. А как ее сунуть, если грудь баллоном перед глазами болтается и живот никуда не делся, и спина отваливается?..

И кто там ржет, а?! Ой.

На меня в упор — ну так, метрах в полтора над головой — смотрела русалка. Точно, русалка. С рыбьим хвостом.

Прям как из мультика, и глаза пучит так же. И то, что ниже глаз, колыхается. Эм-м, а зачем русалкам грудь?.. Тьфу ты, нашла о чем думать!

— Ничего себе, — отстраненно заметила я. — Русалка на ветвях... Слушай, как ты туда залезла? Ну, я имею в виду, руки ладно, а хвост тебе не мешал?

Русалка махнула хвостом и наклонила голову. Э, как от нее рыбой несет, причем не первой свежести. Но она мне ничего не ответила, только опять захихикала. Немая, что ли? Или просто тронутая.

— И мозги у тебя тоже рыбы, — сказала я и поднялась на ноги. Что-то хрустнуло в стопе, я скривилась и посмотрела на ноги. Вместо привычных ботинок лапти какие-то. Хотя с такими растоптанными ножищами только в лаптях и ходить. Вот откуда у меня такое воображение?

Неужели у меня настолько низкая самооценка, что в наркоманском трипе я себя не Анжелиной Джоли в лучшие годы представляю, а Бабой Ягой? То есть вот как оно работает, проклятое подсознание: я старая, страшная, но одета зато хорошо? И кот — это то, что меня поджидает, а мужика если только связать, чтобы не дергался?

Я крепко зажмурилась и попыталась отыскать что-то от меня настоящей. Ну там живот болеть должен был бы, операция все же, голова кружится... Да и от наркоза такое не может вечно видаться. Когда-то же меня отпустит. Потерпеть только нужно и осмотреться. Интересно же все равно.

Я пошла вперед по полянке, оставив русалку позади себя. Может, есть выход из этого кошмара? Или я снова встречу продукт моего подсознания? Если русалка — это любая соперница, мол, главное грудь, остальное неважно, даже рыбы мозги, то что там еще меня ждет?

Глава вторая

— Эге-гей, костяная карга, ничего не забыла? — Я подпрыгнула и заозиралась. Голос был незнакомый. Но после котов и русалок знакомиться не особо хотелось. Да только меня разве спрашивали?

— Я ж старался, отрабатывал. Ну, как там, на порцию морока уже насобиралось? — из-за кустов поползла длинная, как будто деревянная, рука, а сами кусты зашевелились. Я рассмотрела что-то противное — словно лицо, сложенное из коры, почек и сучьев. И эта штука шевелилась и ждала моего ответа.

Мама дорогая, но хотя бы оно не дышит.

— Н-не насобиралось, — ляпнула я, хотя это была уже крайность — разговаривать со своими глюками. Говорящие глюки, конечно, попадались и раньше — кот и мужик в яблоках, но то хоть поддавалось первичному опознанию. А это вот что?

— А не дуришь ты меня, бабка?

— Не дуришь! — рявкнула я.

— Ну, нет так нет. Не горячись, красавишна, — тут же сменило гнев на милость деревянное чудовище и пропало в кустах, оставив после себя туесок с грибами. Приметными такими. Красивые, упругие, сочные и все с красными шляпками и в белое пятнышко. Высший сорт мухоморчики!

Неужели мой мозг дает сигнал: тебя отравили, спасайся! Ау, передоз! На мыло этого анестезиолога!

Сначала я хотела корзинку оставить, но бросить просто так не позволяла какая-то сверхъестественная бережливость. Зачем мне мухоморы — непонятно. Но нужны. А потом кто-то протяжно провыл откуда-то из кустов, и я решила, что мухоморы точно пригодятся. От волков спасаться ядовитыми грибами. Да и вообще бежать надо было обратно в дом и ни с кем не связываться. Немая русалка на дереве еще полбеды, а следующий встречный-поперечный, какой-нибудь бабколюб, явно захочет меня сожрать!

Дальше пошла я уже с корзинкой, причем почему-то прислушиваясь к треску кустов. Кто-то там меня определенно преследовал, и я хмурилась. Не люблю, когда за мной stalker-ы. Ой еще раз.

Хотя нет, ой тут мало, но и орать смысла нет. Не нравится мне глюки с сюрпризами. Помогите. Эй, там, в реанимационной палате, пора меня выводить из наркоза, сейчас меня здесь сожрут!

— Спаси меня, о чаровница! — запел волк. Волчище серый. Я и не знала, что они такого размера бывают — не волк, а целая лошадь.

— Че? — брякнула я.

— Кудри твои как буйные облака, а око, кхем, очи как острые иглы. И ты вонзаешь их в меня в мое бедное, истерзанное переживаниями сердце. И это любовь! — оскалился

волк и даже вроде бы подмигнул. Мне показалось, что в мой глюк забрел кто-то с соседней койки. В принципе, все может быть.

— Мнэ-э, — хлопнула я пару раз этими самыми очами. Волк решил, что атака проведена по всем правилам, и двинулся на меня. Я — от него. Так мы протоптали на полянке кружок. А потом волчище сел на зад, вытянул хвост и поморщился.

— Да ладно, Яга, — примирительно сказал волк. — Ты меня знаешь. Девок я только порчу, а тебя испортить уже сложно. Ты же как настойка на шишках, с каждым годом все забористее. Красотка!

— Ды-а? — я даже слегка поддалась на такую откровенно простенькую лесть. Но даже карге доброе слово приятно! Пусть и от серого волка...

— Да если бы я как раньше в человека обращался, я бы с тобой — ух! — захекал волк и быстро продолжил: — Но ты же знаешь, наложили на меня злые люди наговор. Неча, кричат, девок портить. Еще и этот... поп, чтоб ему пусто было. И сам не гам, — волк клацнул зубами, — и другим не дам.

— Потому что неча играть с тем, что жрать надобно, — проговорили за моей спиной. Я ухнула и подскочила. Там стоял кот и многозначительно покусывал лапу между выдвинутых когтей.

— У нас с тобой разные, тэк-с сказать, пред-поч-тения, — по слогам прорычал волк. — Кому мудя над котлом сушить,

а кому красных девок на сеновале валять.

— Красных теток! Бают, в терем к цесаревне залез волк, да только мамки и няньки его изловили да вдоволь натешились, — фыркнул кот и ощерился.

У них с волком, видимо, было какое-то противостояние, но я не вмешивалась, а тихонько отступала назад. Фиг его знает, что там у меня в подсознании творится, раз оно такое выдает. Нечего еще у глюков конфликтологом работать. «Надо бежать!» — скомандовала я себе и юркнула задом в ближайшие кусты.

Отползать с места действия хотела я тихо, но разве такое возможно, когда мои тылы так увеличились, что я едва могла обхватить себя руками. «Зато ветки не колются», — убеждала я себя. Психолог сказал бы мне, что все из-за моих комплексов. А что? Хочу же быть красивой и молодой, боюсь постареть. Вон, тридцатник уже стукнуло, пару седых волос уже нашла, а морщинка на лбу... Дальше только обмотаться простыней и медленно ползти на кладбище. Или хотя бы в салон красоты за ботоксом. Моя маман так, собственно, и сделала — надула губы и разровняла все остальное.

Бр-р-р, иглы!

А то, что серый волк — бабник, так это отсылочка к моим поискам единственного и ненаглядного. Пока верным спутником жизни я могла представить только кота. Ну или пса. Мужики как-то этим самым не отличались, хотя я вроде бы прикармливала, как в книжонках про отношения сказано.

Или в пособии по рыбалке... Черт, запуталась!

А я правда запуталась.

Выпуталась кое-как. Трава была странная, словно схватить норовила. Нет, ну тут опять же ничего удивительного, не борщевик и не крапива, но... Ой, походу, она шевелится?..

Нет, сказала я себе, это приход попускает. Раньше таких глюков не было: все, что шевелилось, издавало хоть какой-то звук, а это просто обиженно юркнуло куда-то. Я задрала голову вверх — сосны вековые, жаль, с собой в глюки смартфон не взяла, сейчас бы пофоткать, там столько конкурсов в инстаграме с крутыми призами...

Неба было практически не видать. Так, какие-то клочки там, куда и самолеты не забираются. Небо синее-синее, высокое, и зелень кругом. Зелень и запах болота...

Тьфу на это все еще раз!

Земля под лаптем прогнулась, внутрь налилось воды. Я взмахнула руками, чудом не осыпав округу мухоморами, и осмотрелась. Вот откуда русалка-то приползти могла. Жаль, конечно, что я не видела, зрелище того точно стоило.

Я попала на берег кругленького заболоченного озерца.

Не сказать, что красота, и купаться здесь точно было нельзя по всем санитарным нормам, но что-то тянуло меня вперед. Наверное, возможность углядеть свое отражение в отблесках воды. Вот зачем оно мне надо? Но ноги семенили вперед, погружались в грязь. Заныли суставы от холодной

воды, тут же застучал неполный комплект моих зубов. Мама дорогая, я же так долго ходила к стоматологу — и зачем? — чтобы под наркозом обнаружить, что осталась треть зубов и те пенечки? Караул! Я еще кредит за эти зубы не выплатила, лучше бы ипотеку взяла!

Вода тем временем прибывала, я стояла почти по пояс в ней. Мимо плыли ряска и кувшинки. Я раздвинула зелень сизыми морщинистыми руками и глянула в отражение. Дно у озерца было темное, мрачное, но не мутное. Сверху лился далекий, как больничка и доктора-коновалы, солнечный свет сквозь коряги — ветки черных деревьев.

На меня смотрела бабка. Очень страшная бабка. Очень страшная старая бабка. Такой страшной жизни у меня точно не было, так что она не могла быть отражением моих каких-то переживаний. А одежда и правда оказалась прикольной. Но откуда, из какого кошмара этот длинный скрюченный набок нос, узкие тонкие губы, крошечные черные глаза и неожиданно кустистые брови? Караул, я знала, что старость бывает неприглядной, но меня-то так за что? Я не просто была страшна и стара, я была доисторически старой!

Стало обидно. Из черных глаз-угольков потекли по морщинистым щекам слезы. Нос покраснел, губы задрожали. А лицо и вовсе превратилось в полный ужас. Брови... не утешали. Во-первых, такое уже не модно, во-вторых, никакими кустами не исправить все остальное.

— За что? — простонала я. Ко всему прочему еще обна-

ружила на щеке огромную бородавку. Это был край. Кому они нужны, такие приключения под наркозом?! Не лучше ли сразу их прервать? И озеро намекало, как быстро это сделать.

Я не верила во всякие штуки, типа умрешь во сне — умрешь и наяву. Но вот такое, что зажмуришься и проснешься — работало, сама проверяла. Меня во сне даже монстры за бок кусали, и ничего, выжила, и отчетность в налоговую сдала. Монстры-то неспроста снятся. Ладно, значит, чтобы облегчить докторам их работу, мне надо немножко поплескаться в воде. Тогда у меня все как положено заработает, я вернусь к своей съемной однушке, «полторащечке» на груди, сизеньким волоскам и зарплате младшего менеджера и, похоже, больше недовольна я этим не буду. Так что я набрала побольше в легкие воздуха и бодро, насколько это было возможно в стоячей воде, поползла вперед.

«Смешно будет, если здесь глубина везде по пояс», — хмыкнула я, но буквально уже на следующем шаге ухнула под воду — под ногой пропало дно.

Тонуть было страшно. Нужно выпустить воздух и расслабиться, но старое тело всюду сопротивлялось. Слабые руки молотили воду, как будто все происходило в реальности, а не в моем странном сне. Неожиданная боль в груди не обрадовала. А уж красные пятна перед глазами и вовсе. Может, оно и должно было так быть, учитывая ошибку в наркозе, но внезапно мне стало страшно. Как-то все слишком походило на то, что я тону по-настоящему. А я знала, как это то-

нута по-настоящему. Вот один в один прям как было сейчас! Больно, нет сил, очень-очень хочется выбраться и никто, совсем никто, ни одна живая душа тебя не слышит. Потому что ты просто-напросто не кричишь.

«Плевать на говорящих волков! Выбирайся, бабка!» — заорала я на себя мысленно. Но веса во мне было килограмм девяносто, если не больше. А ноги уже начало сводить судорогой.

И тут перед носом что-то шевельнулось. Между зеленой проступило такое же зеленое лицо с бородой, и когтистая бородавчатая рука схватила меня за плечо. Я заорала, выпустила остатки воздуха, чуть не задохнулась. Не успела. Некто вытащил меня наверх, на воздух. Дотолкал до берега и там бросил.

— Ты чо, старая, совсем ополоумела? Чаво пришла, давеча ж разругались! Иль с миром? — возвышался надо мной зеленый мутный тип. Он был не просто зеленый, у него и борода была из водорослей, и немолодое лицо отливало зеленой, а руки и вовсе с перепонками и в пупырышках и чешуе. Руки были очень длинные, а ног я видеть не хотела. Может, там и ног нет, а один хвост...

Мама дорогая, что же происходит-то?!

Я же должна была очнуться на больничной койке!

Глава третья

— Та ежель с миром, то магарыч надобен! — нависал мужик. Водяной, что ли? Или болотный?

— Там грибы были, — вспомнила я про корзинку. Где-то же на берегу и оставила. На водяного не смотрела, хватало своих дрожащих рук. Караул, кажется, я бабка! По-настоящему бабка!

Нет, погодите, так это... не сон? Не анестезия кривая, не руки у хирурга не из того места растут, а...

А этот, как его... Как там эта фельдшерица на скорой сказала? «Добегают от врачей до перитонита, как бы живой довести»?

Нет, нет, ну так помирать очень глупо! А можно мне второй шанс? Ну так, чтобы обратно, и почку можно себе забрать, и грудь тоже. Лучше без груди, но живая. Все равно мужа нет. А это? Это вот что, тот свет такой? Говорящие волки, бревна с руками и мужики на столе? То есть это вот те самые кошкины слезки, что ли, карма и все такое? Типа — все твои кошмары из подсознания, зато вот тебе готовые к употреблению мужики? А как же тоннель, про который все говорят? Никакого тоннеля не было! Что все неправильно так?

— О, хорош магарыч! — зачмокал водяной. — Ты, Ягишна, чегой не угощаешься? Хотя тебе хватит уже...

Да уж. Ржать с нервов — это то еще зрелище. А бабка, которую с осознания, как над ней жизнь подшутила, вставило, это зрелище определенно для людей с особо крепкой психикой. Или для водяных. Но этот корзиночку уже отыскал, грибки уполовинил, поэтому вид имел довольный и расслабленный.

— Не хочется, — на автомате призналась я, перестав ржать. Смешного и правда ни черта нет. Кстати, а черти тут тоже водятся? — Животом маюсь с утра.

— Хе, меньше молодцев залетных прожаривай, — посоветовал мне водяной. — Слыхал, жареное, оно вредно.

Я села. Ладно. Что там волк говорил? Что я еще в самом соку? Ну, не совсем так, от него бы про сок жутковато звучало, но смысл был тот же. Машинально я протянула руку к корзинке, водяной хотел было трофеем убрать, но фигушки, я оказалась проворнее. Ничего так на вкус... На устрицы похоже. Ну как на устрицы, на то, что под их видом у нас продавали, такая же склизкая дрянь..

— Недозрели еще, — сказал водяной, глядя на мое перекошенное лицо. — Но ничего, сойдут.

Ну, я мухоморы, конечно, в той...

Мама дорогая, в той! В той жизни!

— Да не куксись, Ягишна, им не сезон еще! — пробулькал водяной. — Так-то они неплохенькие.

Я кивнула. Да черт с ними, с грибами. Руки, лицо, волосы...

Места жительства, наконец.

Зато ипотеку брать не надо. А то мама дорогая ведь весь мозг проконопатила: кому ты без жилья нужна, нечего по Турциям ездить, покупай квартиру...

— Я пойду, пожалуй?

Водяной осторожно растянулся в кривой улыбке и начал отступать к воде. Видать, морда лица у меня от переживаний стала такая, что даже его проняло. Ну, тут есть чего пугаться, прямо скажем...

С другой стороны, рассеянно думала я, провожая его плюхи по озеру. Ну бабка, ну старая. Зато какие плюсы? Дом. Неплохой, кстати, и, наверное, теплый. Вон печка какая. Кот. Все равно ведь кота завести хотела. Может быть, огородик какой. Лес, природа. Людей нет. Интернета тоже нет, но чем-то всегда приходится жертвовать. Да и что в этот интернет-то выкладывать? Вот этот вот нерукотворный косплей?

Ряска над водяным сомкнулась. Озерцо как было нетроуто-девственным, так и осталось. И воздух чистый, дышится полной грудью. Хотя... про грудь лишний раз лучше не вспоминать.

Так что я поднялась, отряхнула свой клевый прикид — интересно, бабка-то та еще модница! — и побрела обратно. Где-то там, в глубине моей старушечьей души, еще трепыхалась птичкой светлая мысль, что все равно это глюки и скоро меня попустит обратно. И эту птичку всеми когтями приканчивал кот сомнений. Да, фантомные ощущения, конечно,

бывают. Но не настолько яркие. И опять же... глюки обычно без логики.

А тут она есть.

Первый раз в жизни жалела, что есть хоть какая-то логика! Последовательность событий. Все связно и объяснимо. Пока что не мной, но...

И даже когда кусты затрещали, я не то чтобы насторожилась. Хотели бы сожрать, так сожрали бы уже давно, а бабка, судя по всему, лет триста тут отирается и хоть бы ей хны.

— Здоровычка тебе, Ягушка.

— И тебе не хворать.

А ты кто? С виду вроде как человек, а на морду медведь медведем. Почему в рубаху одет?

— Я это, чо искал-то, — как-то робко начал медведь. Пасть у него открывалась прикольно, я даже зафыркала. — Все, что тебе лиска говорила — вранье. Не трогал я эту хату, а волчище ее не ел и бабку не трогал.

— Кого ты не ел? — нашла что спросить. Какая мне разница? Главное, что не меня. Медведи — они существа хуже волка. Опаснее. — Какую хату?

— Да Терем этот на Воловьевой горе, — пробухтел медведь. — Это она все со зла да от зависти.

— Кто? — Да, когда ты так плохо информирован, скверно. И ведь в лоб-то не спросишь. А в книгах все попаданцы аж с семитомниками везде оказывались. Не, ну я тоже сказки в детстве читала, а что оно мне, помогло? — Не было тут

никакой лисы.

— Это хорошо, — покивал медведь. — А то знаешь ли, оно даже обидно — такое вот слушать. Ну не пустил ее заяц зимой к себе жить, а волка пустил, вот она все и бесится. Меня еще вот впутала, стервь рыжая. Я-то при чем, вообще зимой спал! Что мне до их сварок?

Вот сейчас я почувствовала себя человеком, которому надо решать чужие проблемы. Что-то как-то оно... Не так радостно, как могло показаться. Непонятно, кто кого тут вообще ест и что за пищевая цепочка. И главное, где в ней я. Ну так, на всякий пожарный случай.

— Знаешь, вот так вот наладишь сношения, поболтать за то и се, пару раз заночуешь в гостях, а по всему лесу уже ползут слухи. Ты бы это, хоть меры какие-то приняла. Неприятно же. Шапка вон разобиделась. Бабка тоже. А она ведь тебе тоже вроде родня.

— Кто? — день дурацких вопросов.

— Да чертова бабушка! Рогатая которая, — рывкнул медведь. — А уж каким боком она там Шапке бабкой приходится, не моего ума дело, я сплетни не собираю. Все, учти, я тут вообще ни при чем. И лиске бесстыжей так и скажи, что зимой сплю, а за домишко и прочее пусть с зайца спрашивает. Если догонит.

Медведь развернулся ко мне задом и не торопясь пошел в лес. А я стояла и смотрела, как дергается его хвост. Короткий такой, надо же.

Ну и какое мне до местных кумушек дело?

А им до меня, видимо, есть...

Я снова задрала голову кверху. Там, возле озерца, лес был куда более милый. Тут опять сосны небо скребут. Так и надо или я заблудилась? Я вообще заблудиться могу? Может, я тут триста лет и живу потому, что дороги к людям не знаю? Брожу кругами, лю-у-уди, ау!

Налетел ветер. Там, в вышине, он неистовствовал. Я смотрела и думала, в какой же момент верхушка сосны напора не выдержит и полетит на мою престарелую голову. Оборвет, так сказать, мои душевные муки. Но нет, сосны были таким же крепкими, как мои старушечьи нервы...

И тут до меня вдруг дошло, какой плюс в этом теле. Неожиданно, но... Бабулька ко всему относилась с долей иронии. То есть там, где я бы начала истерить, она просто раздумывала. Выслушивала. Задавала вопросы.

О как. Так, однако, бывает? С другой стороны, она старая, чего ей терять. Одни коты да медведи. И вот эти коты да медведи, а также волки, вполне себе с ней по-товарищески живут. Может, бабка такой же страшный зверь?

Или все потому, что в лесу дичи много, всхлипнула я. Настанет голод, и придется мне в избе баррикадироваться, иначе сожрут. Или я их сожру. Это вспомнила мужика у себя на столе.

Близилась ночь. Темнело быстро, как в южных странах, только что был свет — и вот уже сумерки, а минут через де-

сая станет совсем темно. Добираться бы надо быстрее, пока я не выяснила, кто кого и в каком порядке тут ест. Под ногами шуршали трава и листья, попадались и веточки, но так, успокоительно это все. Лес как лес...

Убедить себя в безопасности среды не получилось. Из леса что-то угукнуло. Вот это было уже жутковато, у меня аж душа в самые пятки ушла и вылезать оттуда не торопилась. И нет, это была не сова. Что-то дикое. И вопль такой, что сейчас эту самую душу из пяток вынет и на ветках развесит.

Я сделала шаг. Вопль достал до печенки и прочего ливера. Не столько плач, сколько хохот, а потом вдруг затих.

Я еще раз сказала себе, что бабушка за себя постоять точно может. И что те, кого каждый встречный хочет сожрать, умирают в расцвете лет, а не трясут древними телесами, потом под ногой у меня что-то хрустнуло, и нормальный человек бы, разумеется, побежал, но то нормальный, а мне-то куда, так что я просто заохала. Недолго, потому что плач просто преследовал.

Кто же это в лесу так орет?

— Удод какой-то, — ответили мне. Это я что, вслух спросила?

— Ну почему сразу удод? — раздался второй голос. Станный, словно приглушенное шипение.

— Да, — встрепелась я, — может, оно очень даже милое. Просто несчастное.

— Это удод-то несчастный?

Пока эти странные голоса ниоткуда вели свой невнятный спор, я озиралась. Что башкой крутить иногда и не надо, поняла я несколько поздновато, когда узрела в траве клубок змей.

— Может, угод, а может, сычиха опять на своего жалует-ся, — продолжала черная тонкая змейка, покачивая головой с крохотной короной. — Ты, Ягушка, ежели тебе он мешает, так ему и скажи.

— М-ме-е, — проблеяла я. Ну а что мне еще сказать, глядя на копию любой бухгалтерии? Тут всегда проще мимо пройти, поулыбавшись, а то мало ли что. Змейки распластались на камне и пристально всматривались в меня. — М-мне-е бы домой. А?

— Так иди, Ягушка, — засмеялась-зашипела змейка с короной. — Впереди ночь длинная, тьмы еще много.

Вот спасибо, твое величество. Но хоть не тяпнула ни за что, и то хорошо. Вот зачем старуха ходит в лаптях? Тут одни ядовитые змеи. Не съедят, но понадкусывают. Но пошла дальше, стараясь не думать, что сейчас эти милые создания передумают и сделают мне финальный кусь.

И вот так меня разрывало на тысячу небольших старушенций. У меня свое жилье — и зубов нет. Лес и природа — но съедят. Явно о хлебе заботиться не приходится — зато мужики...

О! Мужики! У меня же дома мужик, фаршированный яблоками!

А что я с ним собралась делать? Кот чего-то там мяукал, но верить тому коту...

Знать бы еще, где мой дом. Ноги-то вели вроде уверенно, но кто его разберет. Во мне пока уживались обычная тридцатилетняя девушка... женщина? А, какая теперь уже разница? И рассудительная бабуся. И как-то даже бабушка начинала мне нравиться. Не внешне, так и что, с лица воду не пить, хотя... Смотреться в зеркало тоже лишний раз не особо тянет, но опять же имеется плюс: можно не тратиться на косметологов. Все равно уже ничто не поможет.

Душа заняла свое место, где ей и положено, а я, шаркая ногами по повлажневшей траве и стараясь не потерять лапти, поняла несколько запоздало, что вопли из леса никуда и не делись. И изменились как-то не в лучшую сторону. И вроде бы даже преследуют? Они близко?

А что там змея эта натрепала? Ночь длинная, тьмы дофига, беги, бабка, беги?

Ага, успела подумать я аккурат перед тем, как кусты затрещали и с воплем меня все-таки кто-то догнал.

Глава четвертая

Врага надо встречать лицом к лицу. Тем более если лицо у меня теперь такое, что любого маньяка собьет с ног. А что? Вот я повернулась и рявкнула.

А потом захлопнула варежку и смущенно почесала свой позорный пучок. Потому что метрах в десяти от меня стояла самая обычная женщина, а на руках у нее заходилась ревом самый обычный младенец.

Младенчика я толком не рассмотрела, поняла только, что он совсем крохотный, грудной еще, а вот женщина — ну, примерно так изображали крестьянок. Молодая, лет двадцати пяти, но — тут вполне возраст может нашему внешне не соответствовать. Волосы в косу заплетены, светлые, лицо круглое. Украшения — бусы и такой же наборный браслет. Длинная юбка цветастая, платок на голове, рубаха, что-то вроде жилетки, но! Одета похуже, чем я.

Я приосанилась.

— Не гневись, Яга, Костяная нога, темной ночи тебе, многой тьмы тебе, бабушка, — поклонилась мне женщина, улучив момент, когда младенец на секунду заткнулся. — Смиренно кланяюсь. Дар тебе принесла, дабы исполнила просьбу мою.

— Я? — Да что у меня реакция, как у тупого? Опять же: а что еще спрашивать? — Где дар-то? И чего хочешь?

Нормально вообще? Я и подумать не успела, а слова уже вырвались. Это плохо или хорошо?

— Есть злыдня, — сказала женщина, — все вокруг мужа моего увивается. Бают, что ведьма! Так разве есть ведьма, чтобы ты, бабушка, про нее не ведала?

Я хотела было сказать, что и про себя не особо-то знаю. Может, это и вариант? Мол, старая стала, впала в маразм, какой с меня спрос, один песок сыпется? Но сказала другое:

— Черта лысого...

— Ай, была я уже у него, — всхлипнула женщина. — Разве он чего может? Так, походил, погундел, а ты ведь в беде не оставишь! Женщина для женщины сделает лучше! Сама посуди, ну куда я без мужа-то? Землицу пахать надо? Надо! Жать надо? Надо! Коров подои да на выпас отправь, овец остриги, поросят покорми, кур ощипи, крышу перекрой, дрова заготовь, на ярмарку съезди, куда мне одной, да с шестью-то детьми?

Ну, говоря откровенно, глядя на эту дамочку, хотелось мне ей посоветовать на ярмарке времени зря не терять и на торговлю его не тратить. Не понравилась она мне — причитает как-то наигранно, вот как есть из тех, кто цыганками на вокзалах прикидывается и деньги выманивает. Но и любопытно стало: от меня-то что требуется? А она смотрела несколько... подобострастно? Неприятно, в общем. Но, может, это были мои какие-то внутренние ощущения. Я-то старая, а она молодая. И никакими шмотками это уже не по-

править...

— Я тебе чем помогу? — сурово спросила я и — о, так вот зачем мне такие брови! — эти самые брови и сдвинула. Эффект превзошел все мыслимые ожидания. Даже младенец кряхтеть перестал, хотя, может, он и без меня наорался.

— Так это, — заюлила женщина, даже отступая на пару шагов назад, но не сдавая позиции. Вот упрямая! — Не гневайся, бабушка! Отвори там, придуши, в лес заведи, да не выведи! Не оставь деток сиротами!

Я задумалась. Нет, я против того, чтобы кто-то от жены гулял куда-то налево. И тут я эту женщину понимала! Измена — противное дело. Я бы точно что-нибудь выдрала, выцапарала или оторвала. Причем, если надо, обоим, но опять же: это в городе в двадцать первом веке. А тут мужик на вес золота. Особенно вон, в селе. Так что моя часть из той-прошлой-жизни преисполнилась невероятным сочувствием.

Зато другая моя часть, та, которая бабкина, всматривалась и — ого, какое у нее острое зрение! — видела что-то, что я пока объяснить себе не могла.

Бабка-то, выходит, не просто древняя, а еще и колдунья? Ведьма? Или просто пожила много и знает людей? И не только, неспроста же к ней вон звери как к судье какой ходят?

Ага! Смотрит на меня мадамка плаксиво, и лицо все такое несчастное, а в глазах торжество! Типа, вот, задурила я тебе, старой, голову, да вот разбежалась!

— И что в оплату дашь? — проскрипела я. Брови отлично

работали — у дамочки аж руки задрожали.

— А вот, бабушка, — и она проворно подбежала ко мне, в ножки поклонилась и вручила младенчика и так же споро отскочила. — Как заведено, свеженький, молочком вскормленный!

И что мне с ним делать? Сожрать его, что ли? Но спросила опять о другом.

— И не жаль тебе дите родное, а?

— Так оно же мне не родное, — заулыбалась женщина. Как видно, она посчитала вопрос улаженным и дело решенным практически окончательно. — Сирота это. Мать его нагуляла где-то, а сама родами и померла. Ты уж, бабушка, сама решай, можно на зелья его, а можешь, коли захочешь...

Ах ты ж стерва! Младенчик орать устал, а я — ну, я заорала! И хотела, что называется, благим матом...

А вышло, что не совсем и благим? Ну или как там вообще — благой мат? Интересно, что это значит, а интернета нет, когда надо.

Во-первых, парочку кустов я снесла. Не руками, а будто бы магией. Только что были, и вот уже нет. Только листья кружились. Во-вторых, дамочку тоже как ветром сдуло. Я и не заметила, куда усвистела. В-третьих, пыль от голоса моего зычного поднялась такая, что я пару минут ничего, кроме листьев и этой пыли, не видела. В-четвертых, ну, где-то с сосны все-таки что-то сорвалось и шурша полетело наземь, считая ветки.

— Кхе, — обиженно сказал младенец. Я осматривалась. Пыль медленно успокаивалась. Мне хотелось опять почесать репу, но руки уже были заняты.

— Вечно ты поспать не даешь, Яга, — проворчал кто-то из кустов и, судя по звуку, пошел спать куда-то в другое место. — Ходишь тут, орешь дурниной...

Яга, значит? То есть это не прозвище? Я — натуральная Баба Яга?

Правду говорить легко и приятно. Какой дурак это сказал? Он сам когда-нибудь пробовал? Вот так, чтобы пошел на работу красавцем или не очень, а очнулся Кощеем? Хотя Кощеем неплохо, яйца только надо беречь. А у меня ого-го телеса не первой свежести, а говоря откровенно, одной ногой я, наверное, на кладбище, а еще брови, младенец, говорящий кот, медведи с претензиями и мужик! На столе!

«Не о мужике тебе сейчас надо думать», — упрекнула я себя, разглядывая младенца. Вот что с ним делать, зачем я на эту кукушку не подумав наорала? Опыта выращивания детей у меня нет, а учитывая, на что я теперь похожа, младенчик при виде моей физиономии получит тяжелую психотравму на всю жизнь.

С другой стороны: зачем нужна такая вот мать, как та стерва? Ну даже если и не родная? И вообще, неизвестно, есть ли у нее дети или она как заправская попрошайка давила мне на совесть.

У Бабы Яги совесть есть? Я прислушалась, словно эта са-

мая совесть где-то должна была мирно похрапывать. Но нет, насчет совести все было тихо. А вот злость на дуру безмозглую поднималась опять вместе со знакомой уже мне волной. Э, нет, на сегодня мне хватит...

Но Баба Яга! Она вон мухоморы жрет, младенцами закусывает, с водяными дружбу водит, живет в лесу... что я еще о ней знаю? Ага, она точно колдунья, и это не сказки. Плохо только, что я пока не пойму, как у меня эта магия толком включается. Сколько было уже потрясений, а сработало только на злость. А ведь я должна летать в ступе? Производить клубки до Тридевятого царства и изготавливать всякие варева? И гуси, гуси-лебеди должны у меня точно быть.

Ну, видимо, и мужик у меня на столе не зря набит овощами и фруктами. Что там кот говорил? Давай его в печь?

В печь жалко, подумала я, бредя к дому. Молодой еще. Агрессивно настроенный. А как он ко мне попал?

Я остановилась и с ужасом посмотрела на свои ноги. Сказки! В сказках одна нога у Бабы Яги была костяной! Младенец мешал, тревожить его мне не хотелось, но я извернулась и слегка задрала юбку. Нет, память не подводила, ноги у меня были обе еще обычные. Может, годами не вышла? То есть еще жить да жить?

И как жить? Собирать травы, выслушивать жалобы медведей, выносить кота и его тыгыдык — кот он и есть кот, однозначно по ночам тыгыдычит, — растить младенца... ну не есть же его, в конце-то концов? Нет, я была уверена, что

на подобное я не способна. Не сказать, чтобы я отличалась чрезмерной добротой и всяким там человеколюбием, но человеколюбие в смысле кулинарии у меня не присутствовало. Нет-нет-нет. Тем более на детей.

Что там еще?

Мама дорогая, знала бы, что так выйдет, читала бы сказки, а не «Песнь Льда и Огня»! Ну и зачем мне теперь информация о Вестеросе? Яйца драконов высиживать? Так их тут, наверное, нет. Или есть?

Стемнело. На небо выкатилась луна, здоровая, как центрифуга на выставке, и сияла как медный грош. Луна такая же, как и там, где я раньше жила... И лес такой же, только нетронутый. Это понятно, никто здесь природу не губит, вот, живут все, всем хорошо. Ну, кроме того мужика, которого я мариную, ему точно несладко. Сосны пропали, теперь попадались все какие-то елки, палки, невнятная лиственная растительность, трава стала гуще и выше. А потом я повернула голову вправо и меня осенило, что я свой дом обошла кругом.

Я прислушалась. Тихо как-то — подозрительно. Где мужик? Кот насвоевольничал?

Нет, нормально вообще? Волки, медведи, водяной, зайцы, лисы, младенец... Как-то многовато вопросов, которые надо вот так вот срочно решать.

Глава пятая

В дом я пробиралась, ступая осторожно и чуть ли не на цыпочках. Получалось так себе. Хрустнули ступени на крыльце, шелкнуло у меня в колене из-за неверного шага, а я ойкнула, пошатнулась и повисла на перилах, которые, естественно, покосились. Да что такое?!

Охая и подвывая, я занесла себя на крыльцо и заставила открыть дверь. Душераздирающий скрип мог разбудить и мертвого, но в доме почему-то было тихо. Мужика не слышно, даже мыши не шуршали. И темно так, хоть глаза выколи. Но меня не темнота волновала и глаза к ней постепенно при-выкали. Но вот куда бы сесть, положить младенца, усадить свою старую пятую точку, чтобы и колену было хорошо, и поясница не жаловалась? Память не подкидывала ничего... Не было, что ли, у бабки диванчика?

Мама дорогая, и как бабка-то жила? В этих руинах? И водопровода, небось, тоже нет, теперь ни отмыться от ряски, ни умыться перед сном, и зубы почистить бы... Тут ко всему прочему басом заорал младенец, который до этого висел у меня под мышкой. Ну не умею я детей носить! От вопля шарахнулись какие-то тени, и в свете луны целый выводок летучих мышей сорвался с крыши и завертелся вокруг дома.

— Что, старая, нагуляла аппетит? — вспыхнули в темноте где-то под потолком два желтых прожектора.

Я хотела заорать, но только рот и раскрыла. Житейская мудрость подсказывала, что тратить силы на ор нет смысла, вон, младенец и так надрывался. Его-то я не перекричу. Кстати, о ребенке...

— А-а, а-а, а-а, а, — подхватила я его и принялась укачивать. Но поток звука не прекращался. Может, он есть хотел? Или пеленки поменять надо? Мои познания в таких мелких детях ограничивались общими сведениями, то есть рекламной, сериалами и краткими рассказами коллег про «а мой вот».

— Свеженький, — дал оценку ребенку котище и в секунду оказался ближе, на столе. Глазищи кота пристойно освещали внутренность избы. Точно, если я — Баба Яга, то это моя изба на курьих ножках. Хм, никаких ног я у дома не заметила, может, что-то не так в детстве поняла? Но, кажется, в мультиках ноги у избы были...

А кот продолжал бубнить:

— Опять Серый шастает, добра не будет. Вытоптал поляну с травками, катался на спине, волчара, чтоб ему пусто было! А мухоморы ты зря водянику отдала, на засол нынче совсем нет и на настойку не хватит. А вот явится за настойкой Анчутка, а настоечки-то нету. Осерчает черт, закручинится, перстней и серег золотых не принесет. Про заморские страны боле не расскажет! А кто виноват, Яга?!

Он еще что-то бормотал, обвинял, корил, да так скрипуче, что у меня голова болеть начала. Еще и ребенок, и лету-

чие мышцы под притолокой. В общем, терпению бабкиному пришел конец. Ну что будет, если я признаюсь, что я не Яга? Ведь действительно не смогу я ни мухоморы варить, ни змей пасти, ни русалок обратно в озеро тащить. День-два и раскусят меня. И как бы не закусили тогда!

— Да не Яга я! Я – Женька! — вякнула я поперек коту. И почему-то не Евгенией Леонидовной представилась, а именно что Женькой. Наверное, слишком суровая морда была у этого черного зверюги.

— Тьфу ты, старая, совсем из ума выжила! — заревел кот, глаза у него стали совсем как плоски. — Ты, что ль, не утерпела? Яблочком молодильным соблазнилась? Неспелым? Дура ты сосновая, ведьма ты плешивая!

— Ну почему плешивая? — только и нашла что возразить я. Насчет яблочек ничего не знала, но волосы-то у меня были. И что, что концы посеченные?

— Раз не плешивая, то пустоголовая, — шипел кот. — Яженька она! Говорил же я тебе, старая, не ведись на ласковые речи. Что затаил на тебя злобу воевода Кудымского царя.

— Может, и говорил, — не стала я отнекиваться. Кто ж его знает, как оно на самом деле было.

— Не простил он тебя, ведьма, когда отказала ты ему в проходе в Черный лес, в дом не пригласила, в баньке не парила... Так, как был — с подарками да словами льстивыми — с крыльца спустила! Было дело?

— Наверное, было, — вздохнула я, ощущая себя так, буд-

то меня снова, нерадивую ученицу, раскатывает грозный директор школы. Я же не всегда была паинькой, были периоды смелого подросткового бунта.

— А потом явился этот молодец, тьфу! Молодцов надо на лопату и в печь, а не уши перед ними развешивать, за стол-то садить. Говорил я, что яблоко недоспелое! А то ли ты не знаешь, ведьма Яга, что будет, ежели недоспелое яблоко-то съесть?

— Не знаешь, — буркнула я и насупилась. Но кота мои жуткие брови не пугали. Он цыкнул зубом, прошелся кругом, яростно хлеща себя по бокам длинным толстым хвостом.

— Так сколько годков тебе, Яженька? — как-то ласково мяукнул этот хвостатый тиран.

— Тридцать, — почему-то брякнула я правду.

— Тридцать значит, суший младенец, — тихо пропел кот, а потом как рывкнул: — А должно быть триста! Память твоя дурья, Яга! Кто яблочко молодильное неспелое отведаст, тот памяти на годы лишится, а молодости не получит! Поспешись — людей насмешишь!

— Это как-то ой, — сказала я и на ощупь нашла лавку. Понятное дело, что бабулька не только памяти лишилась, но и чего-то еще. Точнее, вместо бабки теперь я была — хотя и от Яги что-то осталось, но памяти я не ощущала от слова «совсем», разве что мышечную и реакции остались. Ходить-то я не разучилась, говорить, что и как нужно, и даже

магию применять, ну или чем я шарахнула по неприятной девице.

В целом ситуация получалась не особо радужная. Кроме леса, Черного леса, полного всякой нечисти и странных зверей, был еще какой-то воевода, которому я дала от ворот поворот. И зачем он мог к бабке приезжать? Тоже услугами ведьмы воспользоваться? Но бабка, то есть я, отказала. Может, гадость какую хотел получить, или просто из вредности. Бабе Яге ведь полагается быть вредной? А потом этот воевода бабке подарочек прислал с курьером...

А бабка-то старая, страшная, а на мужиков заглядывалась! Ого-го! Ничто женское ей, судя по всему, было не чуждо. А то, что потом в печь, так это уже практичный подход. Налюбовалась, повздыхала и можно есть. Нечего добру-то пропадать.

Мне снова весело стало. Я захихикала каким-то особенным вредным холодным смехом. От него и тьма закопошилась, и кот на дыбы встал, и младенец совсем затих и не отсвечивал.

— Ты это, Яженька, не кручинься, — осторожно промяукал кот. — Не напасть это, так, оступочка. Вернем мы тебе память, книги ведовские прочтешь, с Кощеем потолкуешь. Авось этот злыдень что подскажет... Иль Индрика попытать, лесавок поймать да в клеть посадить, авось что прошепоят.

— Кощей? Индрик? — круглыми глазами смотрела я на кота.

— Э-э, Яженька, тяжело будет, бабонька, — покачал головой он. — Но не сокрушайся! Ты главное дыши.

И кот захекал, показывая, как мне дышать. Этакая дыхательная гимнастика для успокоения нервов. Но все не так просто, пылищи в комнате было немало, так что я мигом закашлялась. А кашлять, когда у тебя необъятная грудь, да и сам ты весь необъятный, такое себе удовольствие. Заколыхалось все.

— Кхе-кхе, да как же тут дышать, если нечем?! — простонала я.

— А я говорил, что домовые распоясались. А ты мне что? — заважничал кот, поучая.

— Что? — послушно спросила я. В принципе, несложно было догадаться, какую функцию кот выполнял при Бабе Яге. Секретарь-референт с истинно кошачьим гонором, то есть кот всегда прав, а если не прав, то «давай съедим этого наглеца, Яга».

— Дескать, лесу Черному — славу мрачную, — оскалился он. — Людям дары не нужны, добра от того не будет, зла и так хватает. Вот только тьмы должно быть поровну со светом, это, Яженька, забывать нельзя. Иначе что?

— Не будет равновесия между миром тем и миром этим. Между Явью и Навью. Ни людям покоя, ни нелюдям жизни, — произнесли мои губы. Это было странное ощущение. Я сама точно не могла такое ответить, а почему-то ответила. Жутко-то как!

— Вот-вот, Яженька, — закрутился по столу кот. — Когда-то ты почти каждого второго и в бане парила, и дарами одаривала. А нынче, куда ни глянь, в сердцах человеческих тень... Но разве ж с тенью гоже в Навь пускать? Там чертей и без приходящих хватает.

— А откуда ты столько знаешь? — не удержалась от вопроса я.

— Яженька, Баюн я, — кот спрыгнул на пол и обтерся о мои колени огромной мордой. — Сам песни пою, словами заговариваю и знаю, что бают, о чем скрывают, что себе сами не рассказывают.

— Так ты про того воеводу узнал?

— Может, воевода всему виной, а может, и нет, но знал супостат, что ищешь ты яблочко молодильное, сбросить тяжесть годов хочешь. Вот и подсуетились. И приманку — молодца спелого — привели, и яблочко поддельное — недозревшее — в руки сунули. Надежду имели, что не утерпишь ты, получив желанное.

Говорил кот в принципе понятные вещи. С мирами мне, конечно, пока разбираться было слабо. Так же как и с заговором. Да и голова от этих мыслей еще сильнее болела. Но вот все остальное — пыль, грязь и сломанное крыльцо — срочно нуждалось во внимании. Может, Бабе Яге и было все в порядке, говорят, чем старше человек, тем сложнее ему что-то менять, да и сил меньше на подобные телодвижения, но я к такой жизни была непривычная. Да и ребенку в такой раз-

рухе расти не стоило!

— Тащи своих домовых! — решительно сказала я.

— Я? — удивился кот и зафыркал. — Ты ж у нас ведьма могучая, силами природными и надприродными наделенная!..

— Хватит издеваться, — сдвинула я брови и ногой притопнула изо всех сил.

— Чего изволите? — пропищало нечто, похожее на сморщенного старичка размером чуть больше ладони, покрытого шерстью, но в одежке. Появилось оно из ниоткуда.

— Ты топай-топай, — промурлыкал кот. — Не останавливайся.

Старички появлялись очень оперативно, и когда их накопилось где-то с десятков, я наконец озвучила желаемое:

— Дом в порядок надо привести. Пыль вымести. Посуду убрать, постель перестелить.

Честно говоря, не особо-то и верила в то, что дальше произойдет. Но вдруг все вокруг зашевелилось, задергалось, откуда-то забулькала вода, шелестели пучки трав и чучела под потолком. Я на всякий случай подскочила с лавки и, прижав младенца к груди, теперь медленно поворачивалась вокруг своей оси и смотрела в оба глаза.

— А свет-то здесь где? — пробормотала в относительную темноту. После того, как оттерли немного печь, в комнате стало значительно светлее, да и тело это, судя по всему, не так и плохо видело в темноте, но все равно я привыкла к

яркому освещению.

Щелкнул когтями кот, мелькнула искра и зажглась пара оплывших огромных свечей.

Да уж, так я долго не протяну...

— А мужик-то где? — обнаружила я пропажу. На столе действительно никого не было.

— Так в подпол стянул, чтоб не испортился, — напрашивался на похвалу кот.

— Так он что, мертвый уже? — у меня чуть сердце не стало.

— Такие просто так не мрут, буйный больно, полз к выходу!

— Отпустил бы... — пожала я плечами, все равно жрать мужика не стала бы.

— Ох, Яженька, что ж ты такая пустоголовая, — по-отечески проворчал Баюн. — А коли уйдет он, то следом явится дюжина дюжин таких же, и не сдобровать нам! Покуда враги не уходят из Черного леса в здравии, боятся люди сюда соваться.

«Сложно, все очень сложно», — поняла я. Но дюжина дюжин агрессивных мужчин мне здесь не нужна была. Еще и правда сожгут как ведьму или голову с плеч снимут. Вот только есть этого мужика же не обязательно, да?

Глава шестая

Интересно, был ли у этого мужика выбор... а у меня был? В смысле — есть?

Не в смысле есть или не есть, а... а хотя нет, именно что в самом этом смысле. Да, с питанием надо что-то делать и очень срочно. Я посмотрела на мухоморы и остальной подножный корм и решила, что хоть бабка и точит это все без особых последствий, но это, может быть, до поры. Да и вон, откушала уже, карга старая, яблочка. Куда смотрела, спрашивается? Годов прожила, ума не нажила.

— Слушай, — сказала я коту и многозначительно посмотрела на заткнувшегося наконец младенца, а потом под свои ноги. — Его надо кормить. Поить. Спать ему где-то надо.

Кот кивал на каждое мое слово, а до меня доходило, что я — как бы это сказать? — получила себе заложника в подполе. Сожрать нельзя, содержать накладно, отпустить рискованно. А жрет такой мужик...

А младенец? Его ведь тоже кормить надо! Чем я думала-то вообще?

Я покрутилась по комнате. Почище, посветлее, но хоть там и пишут и говорят, что стерильность детям вредна, тут-то все еще срач форменный! И куда его положить?

— Чего, старая, забыла, как печь выглядит? — хмыкнул кот, обмахиваясь хвостом. — Ты это, разверни его, масли-

цем обмажь, травками обложи! И долго не запекай, будет как подошва, тьфу.

— Маленький он, — не подумав ляпнула я, а кот, конечно, понял все по-своему.

— Зато мягонький, — возразил он и прыгнул на стол, уставился своими глазами-плошками на ребенка. Кот людей ест? Хотя... Я покосилась на него — ну... — Аль подрасти хочешь? Так кликни Скарапею, нехай нянчит. Только гляди, как зубки у него пойдут...

— Стой! — У меня уже голова кружилась. Ну какие зубки?! Нет, это надо пресекать на корню! — Кликни сам.

— Память, говоришь, потеряла, а от Скарапеи все так же нос вертишь! С чего вдруг? — заворчал кот. — Мож, ты обленилась, старая, прикидываешься, что яблок откушала...

Эге, вызвала у него подозрения, нехорошо. Интересно, способен кот догадаться, что я как бы уже не совсем Яга? И что будет, когда до него дойдет? Вроде как памяти я лишилась чуть ли не по самое детство. Но мало ли...

Но расписать себе последствия я не успела, кот спрыгнул со стола и скользнул к двери. Просочился чуть ли не сквозь стену, а я стояла, переводила взгляд с младенца на грудь. На свою, то есть на бабкину. Потом на фрукты-овощи, которые на столе валялись. От мужика остались. Вот тоже еще проблема! Но сначала ребенок, потом этот мужик.

— Эй? — робко вякнула я, подразумевая домовых. А потом топнула. Не то чтобы я надеялась, что они сюда явятся,

когда кота нет, но давешний старик нарисовался прямо перед мной и вылупился. Надо же, сработало.

— Али прогневал? — всхлипнул он. — Не серчай, Ягушка! Сей момент все поправим!

— Колыбель, пеленки, бутылку... — начала перечислять я, а дед закивал мелко-мелко и тут же исчез. Я плюнула, младенец закричал. — Ах ты бедняга...

Надо было как-то его развернуть и пере... пере — что? И во что? Но не успела я опять рот раскрыть, чтобы снова остаткам домовых эйкнуть, как на столе возникла корзинка, рядом — холсты разных размеров, а потом — бутыл с чем-то мутным. А следом появился старикашка и довольно ослабил.

— Как велела, Ягушка, все сделали!

Оперативно-то как! Я вздохнула и протянула руку, пощупала холсты. Ничего так... сгодятся. По крайней мере, натуральные. А как стирать? Без воды, без стиральной машинки? Или это за меня тоже кто-то может сделать? Корзинка тоже вроде бы ничего, хотя дети растут с такой скоростью, что... а, разберемся по ходу дела.

— Это что? — спросила я, ткнув в бутылку. В мутной жидкости подозрительно болтался острый перчик.

— Сама же просила, Ягушка, — попятился старичок. — Бутылочку. Аль мало?

— Мало! — рявкнула я. — Не мне, дурень! Ребенку!

Старик аж сел на пятую точку. Я так и не поняла, слышали

ли все эти домовые наш разговор с котом... — кстати, где он? — ...или нет, но что-то ему то ли не нравилось, то ли он просто решил сачкануть.

— Матушка-Ягушка, — пролетепал он, — не серчай, только кто ж младенчиков-то бормотухой поит? Ты это, погоди, пока подрастет, вот тогда и промаринуешь!

— Ох.

Да, то, что меня вот это вот все слушается и боится, только половина задачи. Надо сделать так, чтобы оно еще понимало. Желательно правильно, иначе я заколебаюсь раньше, чем...

Раньше чем что? Но раздумывать над перспективами было пока некстати. Проблемы будем решать по мере их поступления и образования.

— Ему молоко надо! — В голове была информация про смеси там всякие. А где их взять? — Ну, чем там их кормят? Коровье, козье хотя бы. Шевелись, пенек старый! — взвизгнула я — или не я, а та самая бабкина суть терпение потеряла, но сработало, старикашка исчез.

Я обтерла руки о свою замечательную винтажную юбку. Уже никакого пиетета к красивой вышивке не испытывала. Да и юбка побывала в озере и в лесу, это даром не прошло...

А дальше, призвав на помощь все, что я хоть когда и где о младенцах читала, начала этого самого младенца разворачивать. Правда, познания мои были невелики и как-то к моменту не очень-то подходили. Инстаграм, где все у всех еще

круче, чем у меня с домовыми. Книжки, но там такое, за гранью возможного: что рожают на совещаниях, о беременности не подозревая, что залетают от простыни или и вовсе через интернет.

Да, что-то не то я читала явно, взгрустнула я, раскручивая многочисленные пленки... Эх, бедный, бедный, что же мне с тобой делать-то? Ну куда тебе расти у Бабы Яги? Разве дело? Что там кот говорил — граница? Между Явью и Навью? Понятия не имею, что это вообще, но звучит на редкость криповато.

Дверь скрипнула, я обернулась и заорала. Мама моя дорогая!

Нет, вот правду что говорят — в критической ситуации у человека мобилизуются все ресурсы, даже если он трехсотлетняя Баба Яга и уже еле ходит. У меня однозначно мобилизовались. Я в полсекунды оказалась на столе задом, чудом не придавив младенца, даже ноги подобрала, а орала уже словами:

— Ты совсем охренел? Унеси! Унеси это сейчас же! Вон! Вон, кому сказала!

Кот стоял у дверей, хвост его вытянулся перпендикулярно полу, в зубах извивалась змея. Странное дело, то ли она была недовитая и я напрасно ору, то ли...

— Тьфу, — сказал кот, выплевывая змею. А потом обратился не ко мне, а к ней: — Ты, Скарапеюшка, не пужайся. Беда у нас, огорчение! Яга наша яблочков молодильных от-

кушала, памятью повредила. Вон, на столе у нее гляди что!

Я захлопнула варежку и присмотрелась. Змейка была та самая, с которой я говорила в лесу. Но змейкой была она очень недолго — скрутилась, подскочила, ударилась оземь и обернулась красной девицей. Вау!

Нет, действительно красной девицей. Не в смысле по цвету лица, хотя я уже ко всему была готова, просто в красном сарафане, с косой как мое нынешнее бедро и короной на голове. Ну и лицом могла заткнуть за пояс любую нынешнюю... то есть тамошнюю, знаменитость.

— Ох, Ягушка, — молвила красна девица, смеясь как колокольчик, но продолжить не успела: по столу застучало, и поскольку я оглянуться со своим объемом никак не могла, оставалось только смотреть на физиономии кота да бывшей змейки.

Стук прекратился.

— Что там? — спросила я у кота.

— А ты слезь да посмотри, Яженька, — посоветовал кот. Девица, посмеиваясь, подошла к столу и что-то принялась на нем рассматривать, а до меня наконец-то дошло.

— Ты нянька, что ли?

Ого. Это ж прям как в любовных романах! Жена страшная и как есть ведьма, а нянька — инстаграмная богиня. Красота такая, что ни один мужик не устоит, хоть и форменная змея. Но мне было триста лет, мужик хранился пока что в подполе, да и плевать мне было на их возможные отношения.

— Мамка-нянька, Ягушка, а как иначе? — зазвенели колокольчики, это она чем-то потрясла. Погремушкой, что ли?

Я стащила со стола свой роскошный зад, повернулась и увидела, как красоточка ловко развернула младенчика, воркуя, присмотрелась к нему. Я не успела подумать, не с гастрономической ли целью осмотр происходит, как змея щелкнула пальцами и начала твориться магия. Дернулась к змее корзинка, холсты сами собой половина отправились в корзинку, вторая половина свернулась как-то странно, наверное, ребенка пеленать. А тут и старикан подоспел: засуетился с кучей каких-то глиняных кувшинов, из которых пахло свеженьким молоком.

Запах, правда, приятный стоял недолго. В следующую секунду мне пришлось зажать нос, ну, непривычная я к такому! А вот кот сморщился явно по другой причине. Он как-то многозначительно подобрал хвост, подкрался ко мне и задрал башку кверху. Вид у него был совсем как у кадровика, который собрался мне сообщать о непрохождении испытательного срока.

— Эм, Яженька... — промурчал он, а мне его тон ой как не понравился. — И сколько ты собираешься его подращивать?

— В каком это смысле? — не поняла я, а кот завертелся, будто играл с хвостом, но нет, морда у него была озабоченная. Он перестал крутиться, запрыгнул на лавку и поманил меня движением кончика хвоста.

Я подошла как загипнотизированная. Что-то это было несколько не к добру.

— Плохо, ой плохо, — заворчал кот. — Он же младенец поди человеческий.

— Ну а чей же еще? — уточнила я. Хотя кто его знает, как оно там могло быть. — А что?

— Эх, Яженька. Не к добру ты яблочков-то вкусила. Ну поди как? На границе между Явью и Навью человеческий младенец. Ни нечисть, ни человек. Ни живое, ни мертвое, ни яство, ни слуга. Никто.

Да? А по мне так все предельно ясно. Но, видимо, это я каких-то правил здешних не знала.

— Так, может, отдать его куда? — промямлила я. — Ну там к людям выйти? А?

— Какие теперь люди, Яженька! От него русским духом не пахнет.

— Какая разница, чем он него пахнет? — не поняла я. Подумаешь, все младенцы это делают. А потом задумалась, что кот вообще имеет в виду. С учетом того, что в сказках Яга так и говорила — «чую, русским духом пахнет»? Какой-то особенный запах или как раз то самое, что может случиться от испуга? Начнут в печку тащить — запахнет еще и не только... кхм.

Я села на лавку и смотрела, как змея управляется с младенцем с помощью домовых. Их уже набежало штук пять и все суетились. Ну, хоть это решили кое-как. Младенец не

орал, был уже завернут и сыт, и если бы не кошара с его сомнениями, можно было бы уже самой о еде подумать. Ну и с мужиком заняться. Чего он там, бедный, в подвале лежит.

— Головушкой своей подумай. Некрещеный он, — пояснил кот. — Ни к нам, ни к людям. Нехорошо это.

— Так и чего делать-то? — не поняла я. — Ты давай, предлагай решение. Сам знаешь, у меня вон... память отшибло с яблока.

Да, вот это вовремя я узнала, отличная отговорка. Но даже то, что про границу я знала, никак мне не помогло. Да и женщина, что притащила младенца, наверное, понимала, зачем он мне? Все так делают? Или как? Или оно если только на стол или ингредиенты? Я была несколько растеряна. Ребенок мне вроде бы и не нужен был, но и бросить будущего человечка совесть не позволяла.

— Либо есть, либо крестить, — отрезал кот.

— И что, никаких вариантов?

— А что тебе еще надобно, старая?

Что мне надобно? Да я бы знала! Эх, плохо, когда ты такой попаданец, что тут не знаешь, там не знаешь. Эй, ответственные за перемещение душ, можно меня куда-нибудь к «Мстителям» или в «Гарри Поттера»? Я там хоть помню еще кое-что.

— Может, отдать его куда? — предположила я.

— Да кто же его некрещеного возьмет? Люди за порог выбросят! Сразу на село беды пойдут, это же ты проход из Нави

под порог им перенесешь, дура старая! — рывкнул кот. — Ой, не было беды, так накликала.

Я все равно не догоняла, в чем проблема. Чем так страшна эта Навь? Кстати, кто-то говорил про попа? Есть же поп? Вроде бы. Если не съели.

— А попа позвать? — ляпнула я, не подумав. Кот взвился на дыбы, на столе поднялся небольшой хай, домовые прыснули из стороны в сторону, змея прижала к себе младенца и глаза у нее стали по полтиннику. Что-то я сказала не то.

— Как у тебя все просто, — прошипел кот, и шерсть у него встала дыбом. — Ты, поди, считаешь, что вот оно — надо, так позовем, не надо, так звать не будем...

— Ну, да, — пожала плечами я. — А что сложного? Попа-то жрать не обязательно?

Кот захекал. Видимо, смеялся так.

— Глянь, Скарапеюшка, как Яженьке-то нашей с яблочка нехорошо. — Змея закивала, а кот, уже с абсолютно серьезной ряхой, повернулся ко мне и пояснил: — Ты, старая, хоть головой-то думай. Я тебе русским языком сказал — граница это! Да и сама знаешь. Нельзя сюда попа, даже не думай.

— И что делать? — совсем растерялась я. — Попа нельзя, крестить нельзя, к людям нельзя, оставлять его тоже нельзя. Есть я его не дам!

— Сюда попа нельзя! И точка! Но в село идти надобно, договариваться, — вздохнул кот. — И чем скорее, тем лучше. Иначе сожрет его Навь. — А потом, вздохнув для поряд-

ка еще пару раз, добавил: — А еще лучше — оставить на крыльце поповском. Он сам поймет, что с ним делать.

Дальше я выдала то, что сама не ожидала:

— А забрать его обратно?

— Крещеного будешь есть? — задумался кот. Даже как-то... Хм... То есть не оставила, старая, мыслей омолодиться? А ну признавайся, чего вступило сие в дурную твою голову? А? Давай, Яженька, давай, говори уже!

И все остальные смотрели на меня перепуганно. Что не так-то?

— Говори, вспоминай, — умолял кот. — Пока не стряслось непоправимое! Что ты в Чертогах Чернобога видела?

Глава седьмая

Каких чертогах? У меня даже челюсть отпала. В памяти что-то зашевелилось, не бабкино, мое, из разряда «я читала об этом в школе». Да, проходили мы всякие мифы по литературе. Это все ассоциации, которые у меня были с чернобогами и белобогами. А, еще в сериале где-то было!

А тут все на меня так смотрели, будто и правда этот Чернобог существует. Хотя о чем это я. У меня кот говорящий! Змея в человека обернулась!

«Так, дыши медленно и глубоко, сейчас ты со всем разберешься».

— А мне откуда знать? — почесала я в затылке, стараясь выглядеть как можно более растерянной, и улыбнулась. Постаралась улыбнуться, потому что мышцы на бабкинском лице не так просто было выгнуть в какую-нибудь дружелюбную гримасу. Уголки губ настойчиво тянуло вниз.

— Умрем мы все! Коли Чернобога вызвать, да примется он карать! — охнула бывшая змея, всплеснула руками и чуть ли не к обмороку приготовилась. Но кот ее оборвал:

— Так-то не просто Чернобога ото сна пробудить, так что слезы лить пока рано, — а потом как зашипел: — Ну, Яга! Сколько годков мы вместе, но такого я от тебя не ждал. Ты ж на границе поставлена, значит, границу и хранить должна! А не...

Он зафыркал, так что я не узнала, что там «а не...». Понятно только, что съедение крещеного младенца чем-то грозит не очень хорошим. Но вот кому грозит и почему, это я спрашивать как-то остереглась. К тому же мозг и так плавился от обилия информации!

— Что было, то было! — веско произнесла я. И даже сама себя зауважала, вот стоило стать бабкой, чтобы твое слово сразу стало мудрым и веским. К молодым так не прислушиваются! Хотя, может, брови во всем виноваты, очень они угрожающие?

— И не поспорить, — по-человечески вздохнул кот и перестал топорщить шерсть на загривке, сел, аккуратно обвив лапы хвостом. — Так что делать будем?

— Делать? — я оглядела все еще жуткую избу, замерших домовых, змею с ребенком и собственно кота. Было немного боязно, местами все еще казалось, что это все сон или скорее бред с поеданием младенцев и оборотнями. Это место было явно за пределами цивилизованного общества. Ну как к каким-нибудь дикарям в джунгли Амазонки попасть...

«Вот и я попала именно в джунгли, — поспешила я себя успокоить. — Чтобы не нарваться на что-то жуткое, надо узнать и выполнять здешние правила. Но есть человечину меня никто не заставит, так же как и жить в этой разрухе! Если мое слово здесь что-то значит, то отмалчиваться не стоит».

Ну, право дело! Может, я теперь и Баба Яга, но у стариков

здоровье хрупкое, в пыли можно и задохнуться. Да и ребенку нельзя так жить, раз я его решила все-таки забрать. Тяжело будет. Но не оставлять же какому-то незнакомому мужику? К тому же он еще и ребенка в другую семью отдать может. А там вдруг такая же гадина вместо матери попадется? И тоже кому-то на завтрак этого младенца спихнет? А что, нравы суровые, верования жуткие, не свое — не жалко.

— Делать! — обвела я широким жестом окружение. — А делать мы будем следующее. Ребенка покормить и уложить, и за ним следить, — я покосилась в сторону красавицы-змеи, но та в принципе была довольна моим указанием и машинально уже убаюкивала младенчика. — Того мужика, что в подполе, чем-то накормить и воды дать. И я бы накормилась и уложились... Утро вечера мудренее. Где я спала обычно?

На кота косилась уже с большей оглядкой. Все-таки суров был кот. Но опять же, у меня амнезия, не родилась же я в этой самой избе? Да? Могу же я нифига не помнить?

— Ох, Яженька, чую проблемы большие и малые, — печально отметил кот, но давить на меня не стал. — Но права ты, ночь — для тайнств, рассвет — для ясности. Скарапейка, ты у печи останешься?

— Ах, Баюн, тут и удобно, и тепло, — она как раз запеленала младенчика и уложила его в корзинку. А потом — раз — и обратилась в змею и залезла внутрь корзинки. У меня сердце застучало через раз. И захотелось схватить рептилию за хвост и шандарахнуть об пол, все-таки змея в кровати —

это опасное дело, особенно если она не игрушечная. Но пришлось брать себя в руки. Скарапея так-то никакой агрессии не показывала. А с ребенком я и правда не умею обращаться.

— Зато под присмотром, — вяло прокомментировала произошедшее.

— Так ведь Скарапеюшка без лишней скромности заботится обо всех малых и убогих. Королевишна! — замурлыкал Баюн, стреляя глазами в змею. А у меня сразу нервный смех приключился: и в каком кошмаре могло привидеться, что кот клинья к змее подбивает?

Домовые тем временем подсустились, и печка полыхнула жаром из-за заслонки. М-да, с таким жаром мужик-гриль приготовится достаточно быстро. Разве что не со всех сторон одинаково прожарится, все-таки на боку лежал бы, а не как курица вращался. Я даже хихикнула. Юмор был очень чернушый, но зато помогал не впадать в ступор от ужаса. А еще в комнате стало значительно теплее. Так можно и жилетку снять, да и юбка многослойная — это одежда не для сна.

И где спать-то? У Яги явно была своя какая-то комната, изба не такая и маленькая.

Оказалось, что возле печи была скромная дверь, скрытая занавесью. Только ткань такого же серо-черного цвета, как и дерево стен, так что я поэтому и не заметила.

— Не осерчай, матушка, как могли, — мелко кланялись домовые, когда я вошла в спальню, или кабинет, или склад. — Мы ж помним наказ, колдовских вещей не трогать.

К колдовским вещам относилась большая часть того, чем была забита комната. Мама дорогая, да здесь барахла столько, что бедным домовым и за неделю не разобрать, если я разрешение дам.

— И на том спасибо, — буркнула я и жестом отпустила домовых. Те с каким-то диким вздохом облегчения испарились. Неужели я такая страшная? Страшная, конечно, но не из-за лица меня боялись явно. Эх, поскорее бы во всем разобраться. Если у бабки была определенная репутация, то по мне потом она может стукнуть. Прискачет тот же воевода. И что я ему скажу? Извини, милый, в следующем году зайди. Я сейчас на больничном?

А он так и повернет взад.

Интересно, у них тут старух-ведьм сжигают или просто вешают?

Ощущение страха скользнуло по позвоночнику, я поежилась и сосредоточилась на том, что было в комнате.

Помещение средненькое, наверное, с зал в маминой квартире, без окон. Громадный сундук в одной стороне, чуть попроще ларец в другой. Полки с растениями и чучелами, зеркал нет. Хотя зачем зеркала женщине за триста лет. Разве что брови расчесать, и она снова красавица. Стол большой, тяжелый, исчерканный царапинами. А вот и причина царапин: дюжина ножичков разной величины, такой набор не у каждого повара бывает. И подсказывало мне что-то внутри, что бабка вовсе не для нарезки салатов это все использовала.

Еще на столе лежал мешочек с рунами, какие-то нитки, золотые браслеты, ожерелья и другая драгоценная требуха. Настоящие, но какие-то ненужные. Золото реально валялось рядом с огрызком от яблока, а некоторые браслеты были закопченные, видимо, украшения Ягу не интересовали. Как и на стенах, под ногами были пыльные коврики, я чуть не перецепилась, над головой горели оплывшие свечи.

В общем, вроде бы ничего сверхжуткого, но неуютно. И даже немного не по себе. Это была чужая комната. Здесь, пользуясь местной терминологией, был чужой дух. Хорошо хоть белье на постели было новым. Я специально принялась — пахло травами и водой. Бабками не пахло.

Кровать, кстати, не особо мягкой была. По сути, тоже лавка, на которую бросили тонкий матрас, набитый шерстью или чем-то подобным. Хорошо хоть не сеном. Кажется, я такой романчик читала. Там еще героиня вся искололась, пока спала. Но все равно для больной старческой спины хотелось ортопедического матрасика... Эх, мечты!

Под кроватью — ночной горшок, и это была подставка! Водопровода в избе, конечно, же не было!

А на кровати лежала ночная рубаха, с виду похоже. Но в целом это был вышитый по подолу и вороту чехол на большое кресло или маленький диванчик с вырезами для головы и рук. От одежды тоже пахло приятно, что нельзя сказать обо мне. Все-таки купание в цветущем озере не прошло даром. Я сжала в руках рубаху и задумалась. Где-то здесь должна

быть баня? Вроде бы кот что-то говорил о том, как Яга в бане парила?.. Или у меня уже ум за разум заходит?

— Не сердчай, матушка, чем богаты... — пропищал домовой из угла. Я даже не подпрыгнула от неожиданности. Ну да, попробуй подпрыгни всеми бабкиными телесами, да и колени крутит.

Домовой тащил деревянный поднос, на котором самого-на не было, зато было молоко, какие-то лепешки и каша, последняя была почему-то холодной и напоминала залитую водой на пару дней гречку. Да, сидела я как-то на такой диете, вспоминаю теперь с содроганием. Еды было немного. Но неожиданно для себя я обнаружила, что вымыться хочется больше, чем есть.

— Умыться-то мне где можно? — спросила я. Но домовой оставил поднос и испарился. Правда, мгновение спустя уже другой — у этого борода была совсем белой — прошелестел от порога комнаты:

— Прошу, матушка Яга, банника разбудили, молока ему налили, он все сделает...

Отказываться я не собиралась, подхватила с собой ночнушку, пару отрезков ткани — они в одном из ларцов лежали — и заковыляла из избы. Вроде бы топить баню это не быстрое дело, но тут же банник был, так, может, это как с домовыми — с сверхъестественными штуками?

И где эта баня? Я же кроме самого домика никакого другого не видела, а вроде бы все кругом обошла?

То ли магия это была, то ли избирательное старушечье внимание, но слона-то я и не заметила. За первыми же кустами слева от избы нашлось низкое длинное здание, чуть притопленное в землю. Дымохода не было, зато были распахнуты крошечные окошки и сама дверь, и дым валил оттуда. На порог внезапно выскочил тощенький, маленький, беззубый старикашка, такой, что мне, может, по пояс бы был.

Банник был голый и лысый. Разве что пах прикрыт очень длинной жидкой бородашкой. С моим ночным зрением я рассмотрела его во всей красе. Глаза банник выпучил, ручками взмахнул — и дым вдруг сильнее зачал, казалось, что сама баня потрескивает и светится во тьме прожилками раскаленных поленьев. Еще один взмах — и будто вытяжка заработала — все рассосалось, оставив ровный жар, который я чувствовала даже в пяти шагах от входа. Да там жарища!

— Дело сделано, — прошипел старикашка и всосался в порог.

Входить внутрь было опасно, еще ожогов не хватало! Но ровное тепло, уже не жар, привлекало все сильнее.

А, была не была! Я как в воду метнулась внутрь бани: чуть не запнулась о приступочку и слегка стукнулась лбом о низкий дверной проем. Внутри было тесно, мрачно, влажно, но чисто. Днем света бы хватило, все-таки окошки в бане были.

Пахло шишками и горячим деревом, какими-то травами. На стенах висела пара веников, но как пользоваться ими — кто ж его знает? Я такое только в кино и видела. Больше меня

привлекла вода, не ледяная, но еще прохладная, не нагретая. Очень хотелось умыться, но не в одежде же?

Было страшно снимать с себя все. Кое-как я распутала пояс юбки, потом пришел черед жилетки. Какие-то бусы на шее, рубашка верхняя, рубашка нижняя... Прикасаться было страшно и себя было жалко, все-таки у меня еще сегодня с утра была талия! И нос пуговкой, и пальцы красивые, и грудь не идеальная, но все же... Я даже носом шмыгнула. Как же хорошо, что здесь темно и зеркала нет!

Я спешно завернулась в ткань, заползла на полку и ровно задышала, пытаюсь поймать дзен. Горячий воздух овеивал старушечьи тела, прогревал кости, успокаивал ревматизм и артрит. Я старательно потела и даже волосы — два десятка волосинок в пучке — распустила. Не такая уж у бабки толстая коса, как раз пару ковшей воды хватит, чтобы промыть эти три пера на голове! Постепенно на меня скатывалось спокойствие, тяжесть отпускала, в голове замирали все мысли. А медитативное дыхание — три бесплатных занятия йогой даром не прошли — не давало негативным эмоциям скапливаться.

— Ом-м-м, — затянула я машинально.

— Ай-я! Кака красота! Ай-я, Ягушка, свет очей моих!.. Ай, хороша!

Я резко открыла глаза и уставилась в стенку напротив. В окне бани горел огонь и торчало настоящее свиное рыло с щетинистым подбородком и топорщащимися по обе сторо-

ны от головы острыми эльфийскими ушами. Вот только такие эльфы и в кошмарах не привидятся!

Рыло широко улыбалось и сально блестело упитанными круглыми щеками, цокало одобрительно зубом и подмигивало маленьким черным глазом. Мол, триста пять — баба ягодка опять.

Глава восьмая

— Ты кто? — спросила я как-то даже без особой обреченности. Собственно, ну...

Не испугался — и то хорошо. Даже заинтересовался, извращенец какой! Я сильнее закуталась в ткань, чем сделала только хуже — влажная простынь мои телеса обтянула так, что никакого простора для фантазии не осталось. Лукавая ухмылка на роже гостя стала еще шире и обаятельнее, если так вообще можно было выразиться. Черт, еще и подмигнул! Кавалер, блин!

Хотя погодите... Нет, вот такое нечто странное в качестве кавалеров как-то мне интересно не было. Мама говорила про то, что мужчина может быть не особо-то и красив, но не настолько же!

— О, — сказало рыло и почесало... Рога? Я на всякий случай села, придерживая свое облачение. Черти — оно такое. Это же черт? Раз с рогами? Кто знает, что им в голову взбредет? — Ты чего, Ягушка? Аль пару чересчур поддала? Да ты что, свет очей моих?

Непонятно, чего рыло от меня хотело. Сначала вроде подкатить в бане намеревалось, теперь даже и офигело. Удивилось оно знатно, но чему именно? Это что — бабуля в кипятке обычно парится или наоборот? Рыло тем временем вылезло на белый свет целиком. То есть вылезло из окна, но как бы

не через окно, а словно бы через стенку просочилось. Круто, кстати, интересно, а я так могу? Я же ведьма, вроде бы.

М-да-а, эльф не эльф, но выглядел он как плод грешной любви эльфа, гнома и лысой кошки. Где-то в дальних предках были, наверное, свиньи и хоббиты, судя по волосатым ногам. Почему-то именно в этот момент мне срочно захотелось проверить, насколько у меня у самой оброслость ниже пояса, но как-то я рассудила здраво, что в триста лет другие вопросы должны волновать. Не отсутствие депиляции, а радикулит и давление.

— Анчутка я, Ягушка. Ты чего, болезная?

Он уселся на лавку против окна и смотрел на меня с явным сочувствием и озабоченностью. А я рассматривала его, не зная, что ему, собственно, в ответ и сказать. Росточку Анчутка был маленького, так, если встану, мне примерно по пояс будет, одет в холстину — штанцы коротенькие и жилет. Он упер ручки в тощие бедрашки, вытянул хвост с кисточкой и по-детски застучал друг о друга аккуратненькими копытцами.

— Ай, старая, не узнаешь, что ли? — огорчился он. — А я вот...

— За наливкой пришел? — обреченно уточнила я, вспомнив кошачий вводный курс бытия в этом мире. — А я...

— Не. — Анчутка махнул рукой. — Тоись нальешь, я ж против не буду. Но пока дело у меня к тебе серьезное, сестра.

Ого! Я икнула. То есть как это сестра? А как же клинья?

Или раз тут человечинку можно, то и другие — эм-м-м — шалости не запрещены? И куда я попала?!

— А я тебе сестра? — уточнила я. Кот почему-то умолчал про родственные связи. А кто-то там говорил, кстати, про чертову бабушку и про то, что мы с ней родня? Память, ты бабкина должна была отмереть, не моя собственная!

— Дальняя, — махнул рукой Анчутка, развенчивая мои опасения. А потом посуровел. Так нахмурился, что у него аж рожки зашевелились. — Но какая вдруг разница... Да ты чего?!

Никогда в жизни не видела таких обеспокоенных чертей. Ну или так: чертей я вообще никогда не видела, до белой горячки допиваться мне не случалось. Было пару раз до белого друга и все. Не любитель я. Но вот же как бывает, иной человек к ближнему своему равнодушен сильнее, чем черт! И кто после этого больше бесит, спрашивается?

— Понимаешь...

То ли потому, что у меня уже нервы немного сдали — от пара, расслабухи, младенца, кота, змеи, да и всего остального тоже, то ли потому, что вот она объявилась, родная душа... — хотя какие, к черту, у чертей души? — но меня как прорвало.

— Тут это. Беда, Анчутка! Кудымский царь случился, — будто это все Анчутке разом объясняло, всхлипнула я, натягивая на ноги свою простыню посильнее. Это типа вон оно — завернуться в простыню и ползти на кладбище. Но опять же

— какое Яге кладбище? Ей скорее костер... Кажется, на истории было что-то про сожжения... Но простыню я натянула больше потому, что тело бабкино саму постоянно с мысли сбивало, хотелось все же огрехи фигуры прикрыть. Не о теле, конечно, сейчас надо думать, но женская натура, она такая. — Пришел, так сказать, и вот...

Рассказчик из меня вышел еще тот. Впрочем, мне казалось, что Анчутка понимающе покивает, но не тут-то было. Он только сильнее башку вытянул. Значит, не в курсе.

Пришлось вспоминать, что там кот рассказывал.

— Воевода его просил, чтобы я его через Черный лес провела, в Навь впустила, — напряглась я, — а я его в дом не пригласила, в баньке не попарила...

— А чего ты так? — спросил Анчутка.

Супер, думаешь, я знаю ответ на этот вопрос? Кот вроде тоже не говорил ничего. А и правда, какая мне была разница? Но ведь была. И такая была понятная причина, что кота не особенно удивила, иначе в общем-то спокойным рассказом дело бы не ограничилось. Эх, старая, что же ты учудила и как теперь выяснить, что тобой двигало?

— погоди, сейчас поймешь, — вздохнула я. Может, и я чего-то пойму, хотя на это надежды мало, а говоря откровенно — практически никакой. — В общем, пришел он с подарками, а я его того, с крыльца. Короче, от ворот поворот дала.

— Хе-хе, — взбрыкнул Анчутка копытцами. — Так чем он недоволен, вороже, а могла бы и в печь!

— Могла, — и я опять вздохнула. А дальше там что? А, да. — Ну, а потом молодец ко мне явился. На вид богатырь и голос богатырский, чуть не оглохла. Кстати, ты не знаешь, зачем воевода ко мне приезжал?

— Как не знать, — осклабился Анчутка. — Но ты договаривай, ладную сказку говоришь.

— Почему это сказку? — я даже подскочила — лавка подомной протестуяще крикнула. — Сама не помню, кот сказал. А он врать не будет.

— Не будет, — так серьезно сказал Анчутка, что до меня дошло — это он не просто поддакнул, чтобы разговор поддержать, а реально — кот Баюн врать не умеет. — Ты давай потом про кота.

У него такой вид был... как у человека, ну, не человека, а черта, но черт бы с ним, который слушает тебя, а потом — «фигня все это, я знаю как было, сам видел, рядом стоял и даже на ютьюб успел выложить». Уверенность в нем чувствовалась немалая. Мне это показалось добрым знаком. Нет, в самом деле, кажется, в лице... ряхе моего дальнего родственника ко мне явилось какое-то объяснение.

— Ну, вот... — А как дальше-то? Как ко мне яблоко попало? Не был же этот мужик из подпола ими уже фарширован? Как гусь. В принципе, идея с местными обычаями не лишена привлекательности. Но я пока решила, что и так сойдет, выдумывать ничего не буду. — А у молодца яблочки были с собой... молодильные... незрелые...

Уже когда я про яблочки заикнулась, Анчутка соскочил с лавки и принялся по бане такие круги наворачивать, да с такой скоростью, что я на всякий случай закрыла глаза, чтобы башка не пошла кругом тоже. А Анчутка топал копытцами, оставляя на полу заметные такие вмятинки, махал хвостом и причитал не как бес, а как заправский пономарь в фильмах. У меня, конечно, так бы носиться не получилось, и не потому даже, что мне триста лет, а потому, что потолок низкий. А вот он пар, что называется, от души выпускал.

— Хватит мне хату портить! — рявкнула я больше от зависти к его расторопности, и Анчутка застыл. — Вон чо на-топтал, — я потыкала пальцем в пол. — Все рябое теперь!

Анчутка посмотрел на меня обиженно, потер свиное рыльце ручкой, даже всхлипнул.

— Тебе, Ягушка, баня дороже брата, да?

— Черт с тобой! — фыркнула я и — вот это да, сама не ожидала! — все вмятинки, которые Анчутка наделал, тотчас затянулись. — А...

Пока я таращилась на неведомо чудо, Анчутка вдруг повернулся ко мне, сложил лапки молитвенно — а можно так о черте сказать или это как «вода сыпется»? — и очень серьезно произнес:

— Спасибо, матушка-Ягушка. Нечасто ты меня словом балуешь.

Он даже посвежел как-то, а я, похлопав глазами, собразила. Это там у нас это как проклятье звучало, а здесь, да еще и

к бесенку, это, наверное, как лучшее пожелание. Только вот со словами-то надо быть осторожнее, а то прокляну ненароком кого не следует, а кого следует — ну, выйдет как с воеводой, а то и похуже.

— Так что ты рассказать-то хотел? — напомнила я. — Про воеводу?

Анчутка подошел к моей лавке, уселся рядом, лапки опять на коленках сложил — милый какой чертик, говоря откровенно, и пахнет от него не серой, а лесом после дождя... Очень даже приятно. Это хорошо, когда мужчина приятно пахнет.

Эй, старая, ты чего! Я аж язык прикусила. Нормальные такие мысли пошли? Это я что, на чертей начала засматриваться? Это вот что, какой-то побочный эффект? У тебя там мужик в подполе, пнула я себя, а это вообще родственник, пусть и дальний, нехорошо!

— Э-хе-хе, — закрихтел Анчутка. — Как же ты так, Ягушка, оплошала! Это что же, совсем ничего не помнишь?

Да, видать, что-то бабку приложило настолько сильно, что она рискнула сожрать неведомо что, не проверив состав и срок годности. Судя по реакции моего родственника, эффект от незрелых молодильных яблок тут знали все до последнего червяка, значит, Баба Яга точно была в курсе. Но рискнула. Причем так: даже не стала дожидаться, пока созреет. И из чужих незнакомых рук! Мужик... Ну, мужик как мужик, красивей видали. Но это я. Баба Яга, может, и не ви-

дела, вот ее и проняло? Хотя за триста лет уж каких только мужиков можно было увидеть и даже съесть. Или что-то другое причиной стало?

— Не помню, — согласилась я печально. Признала свой косяк. Ну а что? Каждый ошибиться может. Главное ведь — начать исправлять. Кот уверял, что это еще не конец и все поправимо.

Вот: один кот — и такой умный. А сорок котов — сорок мозгов. А то все «останешься одна с котами» — да на здоровье! Страшилка нестрашная, вот это что. Лучше коты, а то все беды, вон, точно от мужиков.

— Не кручинься, — успокоил Анчутка. — То не беда, что поправить можно. Колдовать можешь?

— Угу.

— Вот и славно. — И тут же перешел наконец к делу. — Понятно, что Кудымский царь сюда совался. Я ж как раз в его краях с дивами был, — и он подмигнул.

— С какими дивами, ты же черт! — вырвалось у меня. Хотя... дивы разные бывают, некоторые дивы, инстаграмные или эстрадные, всю жизнь козлов себе планомерно выбирают, а чем, собственно, черт-то хуже? По крайней мере, он свою суть не скрывает. Или как? Красным молодцем притворяется?

— С обычными, — фыркнул Анчутка. — А чего ты, старая, сразу взъелась-то? Они же мне тоже родня!

Он от обиды насупился, сморщил рыльце, и я поспешила

исправиться. Во-первых, я вспомнила, что дивы — это такие же черти, только где-то в другой мифологии, а во-вторых, мне совсем не хотелось, чтобы родственник перестал снабжать меня информацией. Пусть тусуется с кем ему хочется, у меня на него никаких планов нет, по крайней мере, матримонимальных.

— Пришел бы ко мне, выпили бы, — продолжила я, усиленно делая вид, что реплика моя относилась не к претензиям по части женской солидарности, а к чисто родственной обиде. — Нет, он все по супостатам бегаёт! Нехорошо.

— Да, плохо, — согласился Анчутка. — А мне не сидится на месте. Вот и батя все ругает. Что тут дел полно, вон по лесам всякое шастает, люди шалят, проучить надобно, а что я сделаю? Скучно мне!

— Ты давай про воеводу.

Кажется, сейчас я узнаю, где собака порылась. И если не все, то хоть что-то это мне прояснит.

— Цесаревича они ищут, — громким зловещим шепотом выдал Анчутка. — Знаешь ведь, в Тридевятом цесаревич пропал?

Глава девятая

Вот это дела. Раз Анчутка выглядит серьезно, то и мне стоит нахмуриться.

— Какой цесаревич? — переспросила я, а потом до меня дошло.

Цесаревич — это же как королевич, то есть принц. А если его у меня искали, то... Мама моя дорогая, я могла его съесть?! Ой, заберите меня отсюда, пожалуйста! Меня же засудят или чего-то хуже...

Я всю жизнь не то что была далека от политики — да я до прошлого года была уверена, что в Америке президент другой! Не тот, который этот. Ну не люблю я, оно мне страшно и непонятно, а еще — никогда не хотела ничего в политике понимать. Открыли-закрыли, запретили-разрешили, мне-то что, я ни на что не влияю и, главное, не хочу!

Да я даже не выборы никогда не ходила!

А тут меня от осознания, во что я вляпалась, холодный пот от затылка до пяток прошиб сразу, несмотря на жар, даже пекло. И да, какая-то мысль мелькнула, что бабка-то здорова сидеть при такой жаре! Вот что значит — трехсотлетняя выдержка!

А Анчутка только плечиками пожал и закрутил носом:

— Так известно какой — тридевятый.

— Не тyani, миленький, — чуть не заплакала я, — говори

что знаешь! Ну!

Анчутка почесал рожки, вытянул хвост, уставился на него задумчиво. Я спрятала руки за спину, чтобы ему этот самый хвост не намотать на рога...

— Мутное то дело, — наконец сказал Анчутка. — Как царевич-то сгинул, царь-батюшка ихний осерчал, Змея сразу к себе вызвал, и никто после Горышеньку-то и не видал...

Меня теперь для разнообразия кинуло в жар.

— Какого Змея? Горыныча?

— Агась, свет очей моих. Его-его. Тоись сидел себе Змеюшка столько лет тише воды, ниже травы, а потом как! — Анчутка всплеснул ручками. — Ну, загулял. Ну, залетал. Ну, украл пару девиц, так не сожрал же, хотя и мог. Одарил да отпустил, они еще и довольны. Да и когда это было! Ну, а вот царь тамошний и решил, что царевич — его рук дело. Вот и вот.

Вот и вот. Я перевела на понятный мне язык: в соседнем царстве жил, видимо, так же, как я, некий — почему некий-то? — Змей Горыныч, по юности буянил, потом остепенился, но стоило ему когда-то чуток сорваться, как власть обвинила его в краже царевича.

Додумать я не успела.

— Только вот странно что, — повернулся ко мне Анчутка и заблестел глазками, — Змей-то, Ягушка, уж, почитай, старше тебя веков на пять будет.

— Что странного? — удивилась я. — Седина в бороду,

бес в ребро. Или он что, летать разучился?

Анчутка сочувственно захихикал.

— И летать разучился, а если честно, — тут он доверительно наклонился ко мне поближе, — он уже и ходит-то еле-еле. Мыслимо ли, таки бока нажрать! Он же это, все жирное да соленое, да прожаренное. А как обленился, ходит, переваливается. Какие ему нонче-то девицы? Да и зубов у него уже нет, а пламя ток на кострище для свинки и годится. Ну, Ягушка, сама подумай, матушка-сестрица, ну!

Ягушка подумала. Собственно, тут и думать было особо нечего.

— Думаешь, оговорили Змея?

— А то! — подскочил Анчутка. — Только царю сие было все одно, сама понимаешь, единственный внучок, наследничек... Сын-то егойный, единственный, батюшка цесаревича, еще три месяца назад в лесах сгинул, говорят, то ли кабан, то ли волки... А матушка, невестка царская, родами-то померла...

Так-так, а вот и плюсы того, что мне уже триста. Как-то про отсутствие медицины в этой сказочке я и забыла. Травы травами, а роды — штука непредсказуемая.

— А воевода? — напомнила я. Трагедия царской семьи меня, конечно, тронула, но не настолько, чтобы я забыла о главном.

— А воевода, да и прочие...

Тут еще и прочие замешаны? Мама моя.

— ...Те поумнее царя-то будут. Вот Кудымский царь, тот сразу смекнул, что Змеюшка почему зря в темнице томится. А где можно царевича спрятать?

Я хмыкнула. Да в принципе где угодно, было бы кого прятать.

— В Нави, — многозначительно поднял палец Анчутка. — А Змеюшки-то нет, проводить в Тридевятиом некому. А в Кудымском царстве Кощей за границей бдит, а этот — сама знаешь, за такое дело себе все царство потребует. Так что Кудымский царь пока ждет.

Я смотрела на кончик анчуткиного хвоста. Тот немного нервно подергивался, и у меня внутри что-то екало тоже.

Выходит, что бабка-то в курсе была, зачем воевода пожаловал. Потому и отказала. Но потому — почему именно? Неужели все-таки сама замешана? Ай-яй-яй...

Хотя стоп! Вряд ли замешана, кот бы точно знал. А он вроде как наоборот, не понимал, чего я воеводу не пропустила. Видать, довольно обычное дело, и повод для невмешательства — ну или прикрытия задницы — у старухи был веский.

А ведь так все хорошо начиналось. Теперь вот... можно мне этот уровень заново, с того момента, как я от водника или как его там домой пошла? Лес большой, схоронюсь где-нибудь...

— А что, — спросила я, — сам-то думаешь? Где цесаревич?

— Я откуда знаю, свет очей, — вздохнул Анчутка. — Знал бы, так сказал бы. Да хотя бы тебе. Но только что дивы, что наши все говорят — нет никого крещеного близ Нави.

Хм. А вот воеводе, понятное дело, это знать неоткуда...

— А откуда у них такая уверенность?

Анчутка посмотрел на меня, как на очень тяжело больного человека. Причем, что самое обидное, как на тяжело больного пациента психиатрической клиники. Такого, которому и черти... Тьфу, черт! Странное мерещится и голоса слышатся, мол, «шапку надень».

— Грань сдвинется, — зловеще зашептал Анчутка. — Кто же такое творит, от добра никто не станет, только вороги лютые могут! Не ходят в Навь без должных ритуалов, даров и стража граничного, да и то временно оно все.

Это он, наверное, прав... Кот вот тоже с младенцем-то как напрягся. То нельзя, это нельзя, и это мне, Яге, а что уж говорить про людей?

— А мог кто-то помимо... ну, нас с Горынычем в Навь пройти? — спросила я. — Так, чтобы мы об этом не знали?

Анчутка задумался. Причем серьезно. Рожки шевелились, хвостик дергался, копытца стучали, а я ждала ответ и тряслась — прямо как глядела на тест на беременность.

— Да как тебе сказать, свет очей моих...

Я зарычала. Нашел время тянуть кота за... хвост.

— Дурное дело нехитрое, дурак везде лазейку-то найдет. Но это если прям совсем-совсем без ума быть. И колдунство

то непростое. Плохое. И мощное. Я таких среди людей не знаю, могу вон батю поспрашивать, он все их грешки собирает...

Я с готовностью закивала. Но Анчутка только тряхнул головой.

— Хотя нет. Было бы такое, батя бы нас туда всем скопом гонял. Уж что-что, а он, когда люди всерьез колдуют, ой как не любит. Не людское это дело — колдовство. Так что, сестрица, хошь не хошь, а вряд ли то человек был. Если и был, конечно.

— А если не был, где царевич тогда?

— А я почему знаю?

Мы уставились друг на друга, но вроде как ни в чем таком не подозревали взаимно. И правда, он чертенок, а я Баба Яга, у каждого тут свой функционал, зачем нам царевичи?

Это все нужно было срочно перетереть с котом. Неспроста же он Баюн, может, что услышал об этом цесаревиче. Такого добра нам не нужно.

— Так, — сказала я, — выметайся отсюда. Буду париться, а потом... потом ужинать. Будешь?

— А то как же! — облизнулся Анчутка. — А что есть?

А что есть... Ну, что-то меня то, что было, не впечатлило. Мясца бы, сальца, да под водочку, да... Что? Какое сальцо, какая водочка? Я так вторым Горынычем стану! И так вон... того гляди, лавка не выдержит!

— Не знаю, — буркнула я, — домовые как-нибудь разбе-

ругаются. — А потом черт дернул меня за язык: — Мужик есть.
— Какой мужик? — удивился Анчутка. Выходить из бани он явно не собирался, пригрелся тут, что ли?

— А черт его знает!

— Не-е, — протянул Анчутка, — батя бы сказал, коли б знал. Это вряд ли, матушка. А что там у тебя из мужика? Яйца Бенедикт али паштет печеночный?

У него глазки загорелись голодным огнем, а я аж икнула. Ну, паштет я себе еще представила живенько, а про остальное решила не уточнять.

— Я не спрашивала, как его зовут, — проворчала я. — Может, Бенедикт, а может, еще как-то. Но его мы ужинать все равно не будем... э-э... а то буду я как Змей.

— Это ты права, Яга, — тяжело вздохнул Анчутка. Все-таки аппетит у него при упоминании мужика прорезался. — Ягодка ты внушительная. Под тобой ступа развалится. Ну, ты тут парься, я пока травки к ужину нарву.

И он в мгновение ока пропал в окне. Я только успела подумать — какую травку он там рвать собрался, как передо мной возник банник, срам бородой прикрывая, и поклонился.

— Скидавай облаченьице, Яга-матушка, парить буду!

Секунду я думала. Но не больше. Потому что... а и сама не знаю. Ну, мне триста лет! В таком возрасте человек может только собственной дури стыдиться! А тело — а что тело, ну, старое. Нормальное явление. Обидно, но не настолько,

чтобы удовольствия себя лишать.

Поэтому я скинула простыню, стараясь, конечно, все же не очень разочаровываться своими объемами и прочим — надо, надо худеть, пример Змея меня напугал не на шутку, — легла пузом на лавку и распласталась.

А дальше началось!

Пар, пар, все кругом заволокло паром, так, что я перед глазами только пелену видела, и запахло сразу тысячью одуряющих запахов. Я вдохнула, обжигаясь, чувствуя, как меня пробирает пот от самых кишок. А потом по моему старому, немощному, уставшему и больному телу заходили от кончиков пальцев на руках до пяток тяжелые колючие ветки.

Горячо, с отяжечкой, не больно, а так — выбивая все лишнее. И я прямо чувствовала, как секундная вспышка сотен укольчиков сменяется в каждой клеточке негой и расслабухой.

— О-о-ой, — блаженно застонала я.

Мама моя дорогая, клянусь, это лучше секса!

— Терпи-терпи, Яга-матушка, венички-то можжевеловые хворь выгоняют, косточки разминают, года да тяжесть сбрасывают! А ну-ка повернись!

Терплю-терплю! Хотя нет, наслаждаюсь! Есть все-таки в бане что-то от удовольствия на грани страданий. То есть страдаешь, но хорошо. Этот бы рецепт всем попробовать, кто из сломанного ноготочка трагедию делает... Выплеснуть желание пострадать с пользой для дела и тела.

Хо-ро-шо! Мне даже было пофиг, что я кверху животом лежу в чем мать родила. Небось не впервые, никого не удивлю.

Банник схлопнулся, пар начал рассеиваться, я вздохнула полной грудью и села. Голова немного плыла, тело горело и — черт меня подери, в смысле иносказательно, тут же поправилась я, а то еще батя Анчуткин явится, — зачем Яга-дура яблоки лопала? Нет, молодость оно хорошо, конечно, но вот прямо сейчас я не чувствовала никакой разницы. Вообще никакой. Триста лет или тридцать, какая проблема?

Я переоделась в то, что принесла с собой, то есть в ночнушку. Ну, что было, то и надела. Я же спать собиралась, а не государственные вопросы решать. Точнее, так: меня не сами цесаревичи интересовали и сопредельные государства, а то, как мне из всего этого выйти с наименьшими потерями. Кот и Анчутка с его информацией могли помочь разобраться. Я иначе ведь не засну!

Вышла наружу, расплываясь в совершенно идиотской улыбке. Вот так баня! Ну двести семьдесят, конечно, вряд ли, но лет пятьдесят точно как не бывало! Я потянулась, отмечая, что даже двигаться стало легче! Нет, банная терапия — то, что мне сейчас было нужно. И никаких больше поставок из непроверенных источников, ну нафиг.

На небе плавала огромная луна, кажется, она стала больше и ближе. Лес как тени призраков колыбался в ее свете, шептался о чем-то, и казалось, что между деревьев ходит

кто-то, не решаясь выглянуть... Ну или не казалось, но мне даже страшно не было. Триста лет жила и еще проживу, не леса мне надо бояться, ой, не леса!

— Ай, румяная красавишна! Что, сестрица, пойдем вкушать? — передо мной обозначился Анчутка, и я понятия не имела, где он такой стог надергал, но хватило бы трав не только на одного мужика, а на целую роту. — Глянь, какие я приправки-то подобрал, вот эта, — он помахал перед моим носом веточкой, пахнувшей словно перцовой мятой, — и вот эта, — еще одна веточка, вроде корица на вид, а на запах как бергамот, хотя откуда бы они тут взялись, — по рецепту бати. «Грешник кающийся». Недавно изобрел, тебе понравится.

— Я тебе сказала что? — рявкнула я. — Никаких грешников мы есть не будем! — Я подумала. — Курей вон где-нибудь возьмем и делай с ними что хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.